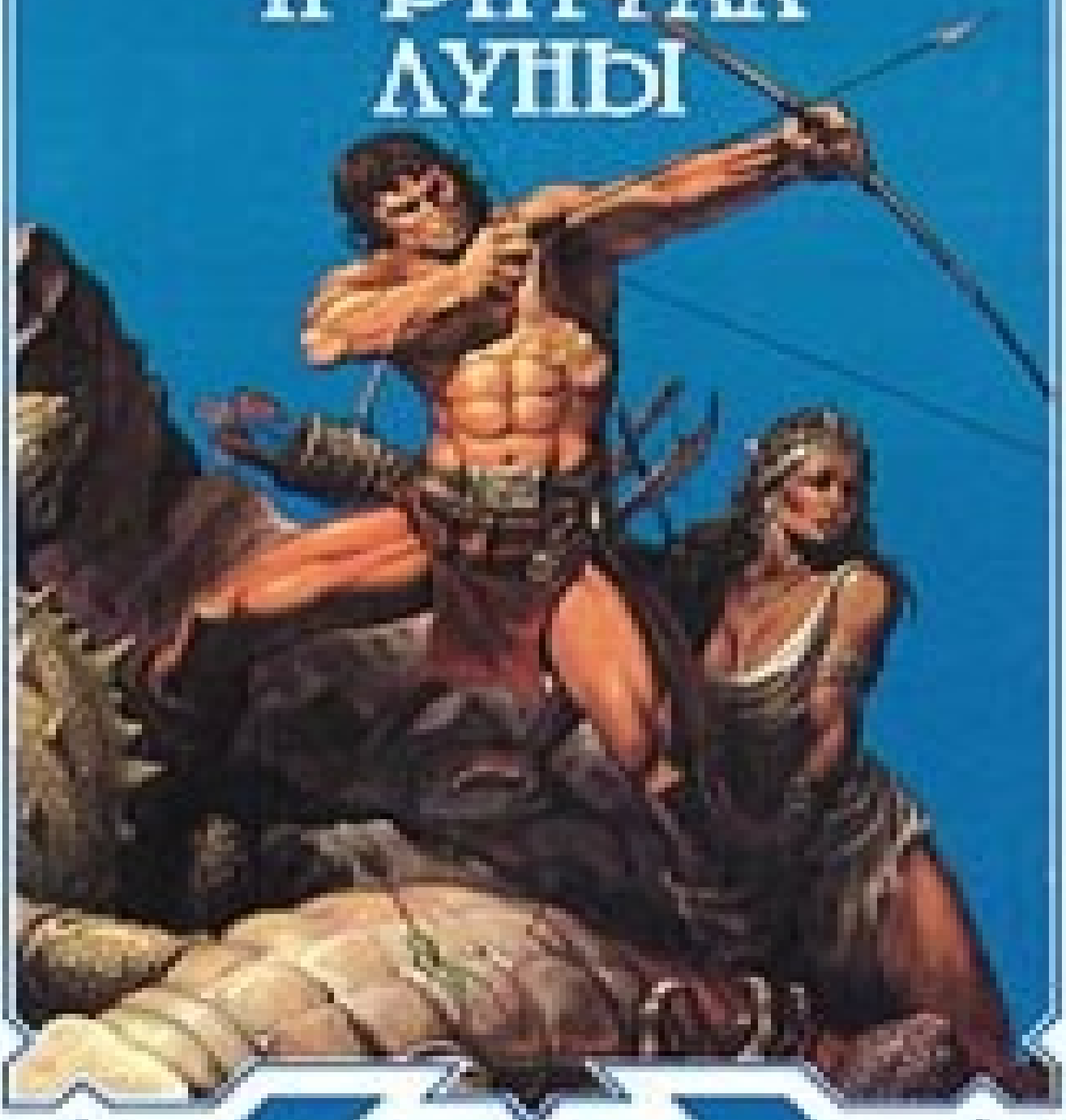
КОНАН И РИТУАЛ ЛУНЫ



Annotation

Вместе с отрядом Ночной Стражи Конан охотится на смертоносных чудовищ, — и находит неожиданных союзников среди стигийских чародеев.

Санкт-Петербург, «Северо-Запад», 2005, том 104 «Конан и ритуал Луны»
Керк Монро. Сфера Жизни (повесть), стр. 299-429

- Керк Монро
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Финал

Керк Монро
Сфера Жизни

Глава первая

Лето 1285 года по основанию королевства Аквилонского,
Великое герцогство Райдор, Бритуния.

Сегодня Конан просыпался долго и муторно. Вылезать из-под теплого мехового одеяла решительно не хотелось, по телу разлилась неприятная и совершенно непривычная слабость, голову будто залили расплавленным свинцом, а про вкус во рту лучше вообще не упоминать — мерзость непередаваемая…

«Надо обязательно вспомнить, что вчера произошло, — мысли катились тяжело и гулко, ровно гранитные булыжники под гору. — Сначала мы с Гваем зашли в «Три меча», это совершенно точно… Потом… А что было потом? Вроде бы я отправился в «Синюю розочку». Или все-таки в «Приют странника»? Кажется, подрался с кем-то, но с кем именно не помню… И самое главное — каким образом я оказался дома? Сам дойти не смог бы, это совершенно точно. Привезли? Кто? Гвайнард? Нет, он вроде потерялся сразу после кутежа в «Трех мечах»… Боги, как же мне скверно! Старею, что ли? Тридцать шесть лет — это тебе не восемнадцать, надо быть поосторожнее…»

Грохнула дверь и на пороге комнаты нарисовался Эйнар, возмутительно свежий и бодрый. Киммериец, узрев жизнерадостную эйнаровскую улыбку непроизвольно икнул и к горлу подкатил неприятный скользкий комок.

— Пьянь, — припечатал варвара Эйнар. — Ты хоть помнишь, что вчера вытворял?

— Не особенно… — хрипло отозвался Конан. — Слушай, принеси воды, разведенной вином, а?

— Не дождешься, — бессердечно хихикнул верный друг и соратник. — Вставай, топай в кладовку и хлебай рассол из бочки. Говорят, помогает. Ты хоть знаешь, что полдень недавно отзвонили? Все давным-давно на ногах! Хватит раскисать, обед скоро.

При мысли о варвара едва не вытошнило. Эйнар, скотина такая, запустил в Конана валявшейся на соседней кровати полушкой и мигом нырнул в дверной проем, опасаясь справедливого возмездия, которого впрочем, не последовало — киммериец решил отложить причитающуюся нахалу взбучку на потом.

Для начала следовало одеться. Штаны здесь, нижняя и верхняя рубахи — вот они, безрукавка валяется на полу. Все это прекрасно, но где же сапоги?

Левый сапог обнаружился под кроватью, а куда подевался правый? Конан, превозмогая головную боль, тщательно исследовал комнату, однако пропажу не обнаружил.

Выглянул за порог — так и есть! Сапог валялся в коридоре, сразу у двери.

— У меня что, ноги за минувшую ночь подросли? — вслух озадачился варвар. Обувка неожиданно оказалась безбожно мала. — Постойте… Это не мои сапоги!

Как всякий опытный путешественник киммериец придавал обуви весьма большое значение. Сапоги должны быть сшиты из мягкой продубленной кожи, идеально подходить к ноге по размеру, обязаны быть непромокаемыми, с ровной подошвой без каблука. Еще желательны металлические накладки на носке и пятке. Все минувшие годы Конан заказывал сапоги только у лучших мастеров — последние, конечно, брали за труды большие деньги, но зато варвар всегда был уверен, что покупает хорошую вещь. Испортить ноги кровавыми

мозолями во время дальнего пути — самое последнее дело!

Сапоги, которые Конан сейчас держал в руках, тоже были неплохими, но до придирчивых требований киммерийца никак не дотягивали. Кожа жестковата, носок сбит, да и высота голенища совершенно другая — Конан предпочитал, чтобы голенище не достигало колена на полную ладонь, а у этих загадочных сапог оно оказалось совсем коротким. Опять же обнаружился деревянный каблук, каковых Конан не терпел — его собственные сапоги обычно обтягивали ногу подобно кожаному чулку…

— Эйнара убью! — провозгласил киммериец и поморщился от звука собственного голоса. В череп будто раскаленное шило вставили. — Не иначе, его выходки!

Раздражение Конана усилил тот факт, что из левого сапога выпала дохлая мышь. Как она там оказалась даже гадать не пришлось — проклятущий Эйнар всегда являлся большим любителем глупых шуток.

Мысленно сплюнув, киммериец выбросил трупик мышонка в открытое окно и босиком отправился в «Арсенал», как прозвали охотники самую обширную комнату своего дома на Волчьей улице. В общем-то, Арсенал одновременно являлся и общей столовой, и помещением, где проходили маленькие военные советы Ночной Стражи, и хранилищем оружия, живописно развешенного на стенах.

— С утречком, — донельзя мрачный и небритый Гвайнард, восседавший за столом и целомудренно попивающий козье молоко уставился на Конана. — Слушай, ты не брал мои сапоги?

До замутненного вчерашними винными парами разума киммерийца не сразу дошел смысл данной фразы. Конан углядел кувшин со светлым домашним пивом и все помыслы устремились к сему вожделенному сосуду. Первая кружка, вторая… Отлично! Теперь можно жить и действовать!

— Что ты сказал? — варвар устремил на предводителя охотников по-детски невинный взгляд ясных голубых глаз.

— Сапоги пропали, — деревянным голосом отозвался Гвай. — Мои любимые, из бурой замши. Вместо сапог утром обнаружил какие-то жуткие опорки, такие даже распоследнему нищему носить не приличествует…

— Так… — протянул киммериец и побарабанил пальцами по столу. — Эйнар! Бегом сюда! Живо!

Броллайхэн, выкроив на лице озадаченное выражение, выглянул из-за двери, ведущей на кухню. В руках держал влажное льняное полотенце.

— Чего орешь?

— Ты подойди, подойди. Не бойся. Убивать мы тебя не будем, только слегка помучаем.

— Да в чем дело-то? — Эйнар продолжал хранить удивленно-обиженный облик. — Когда ты в меня по утрам подушками кидаешься — я молчу, а стоит…

— Сапоги верни, — задушевно сказал Конан. — Мои и Гвайнарда. Ты припрятал?

— Какие, к демонам сапоги! — тут броллайхэн возмутился уже не на шутку. — Одного приводит — точнее приносит! — домой городская стража, другой является посреди ночи, голося похабные песни на всю улицу, оба выглядят так, будто искупались в винной бочке… А мне и Асгерд, между прочим, пришлось давать взятку капитану кордегардии, чтоб не доносил, куда следует о ваших безобразиях!

— Безобразиях? — Гвай мучительно наморщил лоб. — Каких?

— Безобразных безобразиях! Его милость Конан Канах, извольте видеть, соблагоизволил

учинить разгром в заведении госпожи Альдерры, да такой, что хозяйке «Розочки» теперь придется заново вставлять две оконных рамы и покупать новую фарфоровую посуду у кхитайских купцов, а фарфор из Пайкина стоит недешево! Конан, ответь, чем тебе не угодили два наемника из купеческого каравана, пришедшие отдохнуть в «Розочку»? Парни тебе ничего не сделали, а ты зачем-то вышвырнул их в окно!

— Видимо, рожи не понравились, — вздохнул киммериец, начавший припоминать кое-какие подробности вчерашнего вечера. — Сегодня схожу к госпоже Альдерре с извинениями. И расплачусь за ущерб, конечно.

А что Гвай вытворял? Эйнар возвел очи горе:

— Хвала богам, месьор Гвайнард оказался не столь буен. Он всего лишь спустил в «Приюте странника» сорок два золотых аурея, сиречь почти треть нашего прошлого заработка и упился до такой степени, что ближе к ночи мог произнести только два слова: «ы-ы-ы» и «селянки». А когда рухнул под стол, позабыв о прекрасных селянках, его мигом прибрала к рукам городская стража. По счастью капитан знает, что мы любимчики светлейшего герцога, и нарушителя благочиния препроводили не в холодную, а домой. И все равно, пришлось задабривать полусотника десятком шеллинов — очень уж был недоволен. Ты зачем пытался подраться с гвардейцами?

— Не помню, — честно признался Гвайнард.

— В следующий раз… — Арсенал почтила своим вниманием Асгерд, доселе воевавшая на кухне с горшками и сковородами, — в следующий раз все заработанные нами деньги будут храниться у меня. А вы, други любезные, будете получать каждый день по шеллину на сладости. И не медяком больше! Между прочим, я подвергаю свою жизнь не меньшей опасности, чем вы, большие и сильные мужчины с разумом младенца, и мне причитается равная доля заработанного!

— Ну что такое лишние сорок-пятьдесят ауреев? — попытался вяло оправдаться Конан. — У нас куча денег! Только за бруксу из Ронина мы получили куда больше, чем можем потратить за весь год!

— Требуется заказать новые сети из серебряной проволоки, — начала загибать пальцы Асгерд. — Напомнить, в какую сумму обойдется работа мастера Алаша? Стрелы, два посеребренных клинка работы граскаальских двергов, снадобья для ночного зрения у алхимика Гизульфа, я присмотрела в лавке магических принадлежностей несколько очень полезных амулетов, и покупать их надо как можно скорее, чтобы герцогский алхимик не перехватил для своей дурацкой коллекции… Кстати, наш сосед, месьор Харт, с женой и четырьмя детьми живет всего на двести ауреев в год! Тьфу на вас!

Асгерд развернулась и отбыла на кухню, не забыв, как следует хлопнуть дверью.

— М-да, что-то мы вчера увлеклись, — обескуражено проговорил Конан. — Но зато отдохнули на три седмицы вперед. И сапоги еще… Эйнар, ты их точно не брал?

Броллайхэн только покрутил пальцем у виска и отправился вслед за Асгерд, не забыв бросить напоследок:

— Хоть бы котлы помогли почистить, олухи! А то за хозяйством следим только я, Асгерд да госпожа Тюра! В ее возрасте тяжеловато быть домоправительницей!

Эйнар хлопнул дверью не менее громко, оставив бравых охотников в состоянии огорченной растерянности.

* * *

Не стоит даже говорить о том, что таинственно исчезнувшие сапоги так и не обнаружились, а появление в доме двух пар совершенно чужой обуви осталось неразрешенной загадкой.

Настырный Конан, слегка отойдя от чудовищного похмелья, перевернул дом от погреба и подвала до конька крыши, однако ни своих, ни гваевских сапог не обнаружил. Затем варвар извлек из сундука, где хранились вещи, совершенно новую и не разношенную пару, недовольно ворча, обулся, прихватил припрятанный «на черный день» кошелек с золотом, забрал из яслей Гнедого, и отправился в город, разгребать последствия вчерашнего гульбища.

Само собой, первым делом киммериец навестил сапожника, снял мерку и заплатил мастеру вперед — обошлось недешево, тридцать два шеллина пайрогийской чеканки. Засим Конан почтил визитом «Синюю Розочку» — единственный в Райдоре веселый дом, где варвар был частым и весьма щедрым гостем (благо даже по меркам богатых держав наподобие Немедии или Аквилонии охотники на монстров зарабатывали своим ремеслом очень неплохие деньги).

Златоводосая госпожа Альдерра — пухлая, невысокая и томная дама, вошедшая в возраст, когда поэты с куртуазной сдержанностью именуют женскую красоту «увядающей» — встретила Конана на удивление радушно. Кому как не содержательнице дома свиданий понимать маленькие мужские слабости? Киммериец тяжеловесно принес извинения за вчерашнюю не слишком удачную вечеринку, с неудовольствием покосился на плотников и стекольщиков, восстанавливающих ажурные рамы окон главной залы «Розочки» и уверил почтеннейшую матрону, что ничего подобного впредь не повторится.

Хозяйка милостиво сообщила, что все происшедшее — это «глупости» и «всякое в жизни случается», после чего из милейшей тетушки, присматривающей за своими прелестными курочками, превратилась в сущего монстра, рядом с которым все виденные Конаном за последние седмицы арфаксаты, бруксы, мантикоры или вампиры показались бы стайкой невинных ягнят, мирно выпасаемых юными пастушками на залитой солнцем цветущей лужайке.

Звериный оскал «женщины дела и золота» был варвару не слишком приятен, но как человек честный, он согласился, что оплатить причиненный ущерб необходимо. Сколько-сколько? Шесть десятков ауреев? Нет, милостивая госпожа Альдерра, стоимость привозимого из Турана стекла высока, но не настолько же! Фарфор? И это — настоящий кхитайский фарфор? Чепуха! Я бывал в Кхитае несколько лет тому назад и умею различать! Офирская подделка!

Сговорились на тридцати золотых и Конан счел эту сумму немного завышенной, но справедливой.

Осведомился насчет сапог — не забывал ли? И не перепутал ли с чужими (что было невероятно, ибо пара, обнаруженная Конаном с утра на ногу решительно не налезала)? Госпожа Альдерра ответила, что на нее прошлым вечером свалилось множество иных забот и следить за сапогами гостей ей было, мягко говоря, несподручно. Впрочем, никто из других посетителей не жаловался на пропажу.

При сердечном прощании Конан подарил любезной хозяюшке небольшую, но красивую

золотую безделушку кофийской работы и с тем отбыл домой, сочтя свой долг выполненным.

Оказывается, вся компания была в сборе, разместившись вокруг стола. Сдвинули в сторону оставшуюся от обеда посуду и зачем-то расстелили большую карту Пограничья и Закатной Британии, придавив углы глиняными плошками. Физиономии сумрачные — неужто случилось что-то?

— Явился? — Гвай мельком взглянул на варвара и снова уткнулся в карту. — Как всегда пропускаешь все самое интересное! Почитай письмо — только что с гонцом доставили!

Асгерд перебросила киммерийцу пергаментный свиток со сломанной печатью в виде окруженной сосновым венком волчьей головы — гильдейский символ Ночной Стражи!

«Приветствую Гвайнарда из Гандерланда!..»

Варвар развернул послание и поморщился. Написано по-немедийски, а этом языке Конан говорил не слишком хорошо, а читал еще хуже.

Однако, у автора депеши была твердая рука и разобрать смысл не составило особого труда.

«С сожалением сообщаю об исчезновении отряда Рульфа Нумалийского. Последнее сообщение от Рульфа пришло в Нумалию в день Середины лета, их дальнейший путь пролегал полуночнее Соленых Озер к баронству Лотар, поскольку именно там сложилось отчаянное положение, о котором я тебе уже писал… Мы находимся слишком далеко и ничем не можем помочь. Высший Совет гильдии просит тебя действовать в соответствии с принятыми уложениями и по возможности известить о результатах. Аайнар из Бельверуса, Хранитель»

Внизу красовался оттиск перстня — дворянский герб в виде распахнувшего крылья сокола, держащего в лапах пучок лучных стрел. Венчала эмблему самая настоящая герцогская корона.

— Ничего не понял, — помотал головой варвар. — Кто такой Рульф, почему он исчез? Что происходит в баронстве Лотар и где оно находится? И почему, в конце концов, нам — никому не известным охотникам из дремучего захолустья! — пишет человек, с короной герцога над гербом?

— А ты что же, думаешь, в гильдию Ночной Стражи входят исключительно бродяги-наемники, безземельные младшие сыновья провинциальных дворян или просто искатели приключений? — усмехнулся Эйнар. — Между прочим, сообществу охотников на монстров около полутора тысяч лет, после падения Кхарии Ночная Стража была почетнейшим дворянским ремеслом. Так что традиции сохранились доселе. Герцог Дайнар является Хранителем Совета гильдии — нечто наподобие канцлера. Он отвечает за сбор сведений о действиях разных отрядов Стражи к Закату от моря Вилайет…

— Хм, а я-то всегда думал, что у охотников нет никаких руководителей, и мы действуем только на свой страх и риск, — воскликнул Конан. — С ума сойти!

— Никто нами не руководит, — поморщился Гвай. — Совет Хранителей гильдии существует для того, чтобы помогать охотничьим ватагам в их работе, при нужде ссужать деньгами и магическими предметами, а заодно собирать новости, представляющие для нас определенный интерес. И последние новости — весьма скверные, скажу я тебе.

— Тогда объясняй, в чем дело!

— Я и пытаюсь… Сядь, не мельтеши. Взгляни на карту. Синими полосами отмечены рубежи Немедии, Пограничья и Британии. Дело в том, что к Полуночи от немедийских Соленых озер лежат ничейные земли, часть из которых занята так называемыми «Вольными

Баронствами», не подчиняющимися ни одной короне, а часть вообще не заселена людьми — слишком дремучие леса, слишком топкие болота и просто слишком опасные места.

— Опасные? Из-за лихих людей? — Конан отлично знал, что если любому каторжнику Закатного материка удастся сбежать из тюрьмы или с рудников, спокойнее места, чем ничейная земля между Пограничьем и Немедией беглецу не найти. Власти никакой, если не считать вожаков довольно крупных разбойничьих шаек, промышляющих набегами на приграничные области и одно время ставших настоящим бедствием для рубежей крупных держав.

Дело дошло до того, что немедийцы лет десять назад выдвинули на Полночь аж четыре легиона, сумевшие перебить значительную часть разбойного люда, а остальных загнать в болота. Потом король Нимед I распорядился построить лимес, оборонительную линию, в виде длинного — лиг двести! — вала со сторожевыми башнями и крепостями через каждые пять лиг, тем самым надежно перекрыв путь в полуночные владения Трона Дракона. Однако, вольные бароны и хорошо организованные шайки разбойников, частенько напоминавшие эдакие маленькие армии, вовсю продолжали донимать Пограничье и Бритунию, полагая грабеж вполне достойным и прибыльным ремеслом. При столкновениях с регулярным войском они, разумеется, несли потери, но в случае, если перед «вольными отрядами» оказывались беззащитные деревни или городки… Выжженная земля и полнейшее разорение!

— Ничейные земли являются слишком уединенным уголком, — терпеливо объяснил Гвайнард. — Полагаю, люди начнут их осваивать только лет через двести, если не позднее. И уединение это сохраняется столетиями. Выводы сам сделаешь, или подсказать?

— Зачем подсказывать? — хмыкнул Конан. — Природа пустоты не терпит. Где нет человека, там появляются другие твари.

— Всегда знал, что ты у нас умный, — снисходительно улыбнулся Гвай. — Баронство Лотар, о котором идет речь в послании Хранителя, находится у самого края огромного и неисследованного никем лесного массива, тянущегося почти от Соленых озер до Граскааля. Владеет им какой-то беглый немедийский дворянин, нашкодивший на родине и вынужденный бежать от королевского суда. Он выстроил там деревянную крепостишку, нарек ее «замком» и начал благополучно царствовать в новых владениях, принимая под свою руку всех и каждого — от каторжников до беглых крестьян. Пару тысяч человек уже набрал, возможно, и больше. Одна беда — месьор Лотар выбрал далеко не самые лучшие земли для обустройства своего маленького государства, хотя выбирать-то и не приходилось, поскольку самые удобные наделы давным-давно захватили прочие вольные бароны. Железная пуща — местечко странное и недоброе, легенды о ней ходят прескверные, но вплоть до минувшей весны из лесов ничего очень уж страшного кроме хищного зверья не выползало…

— А сейчас?

— Сейчас? Сейчас Лотар стал эдаким заповедником нечистой силы и местные жители убеждены, что во всем виновно некое зло, появившееся в Железном лесу. Сначала я связывал это со Временем Тумана и древней магией Роты-Всадника, истекающей из открывшегося в Кезанкии портала, но потом стало ясно — причина в другом. Слишком уж далеко от Кезанкийских гор расположена Пуща. Дело дошло до того, что барон Лотар обратился за помощью в Совет нашей гильдии — написал письмо в Бельверус. Ночная Стража обязана помогать всем, будь человек государственным преступником или святым. Совет отправил на Полночь самый крупный отряд охотников, предводительствовал над которым Рульф из Нумалии. Они и должны были разобраться, в чем дело.

— И сколько Стражей было в ватаге Рульфа?

— Сорок шесть.

Конан едва не поперхнулся воздухом. Четыре с половиной десятка хорошо обученных профессиональных охотников на монстров — это, знаете ли, изрядная сила. Можно даже сказать — очень серьезная сила, сравнимая если не с тяжелым легионом Аквилонии, то, по крайней мере, со всей гвардией бритунийского короля. Уж коли бравая четверка Гвайнарда умудряется гонять чудовищ, обитающих в Райдорском герцогстве так, что только пух и перья летят, то можно вообразить себе, какими возможностями обладает отряд в целых сорок шесть мечей…

Поверьте — любой, самый закаленный жизненными трудностями вампир, при одной мысли о такой ватаге знатоков вампирьих жизни и смерти немедленно грохнется в обморок, а потом сбежит от греха подальше куда-нибудь в Вендию или Паган, где о Ночной Страже и слыхом не слыхивали!

— Что же, весь отряд Рульфа бесследно исчез по дороге в Лотар? — спросил киммериец.

— Как видишь. Не знаю, по дороге ли, или в самом баронстве, но от Рульфа не поступало никаких донесений уже несколько дней, а он обязан был отправлять соколиной почтой депеши Совету Хранителей ежедневно, дело-то серьезное… Наводит на самые нехорошие размышления, не так ли?

— Согласен, — кивнул варвар. — Постой, это что же получается? Значит, Хранитель приказывает нам отправиться на поиски пропавших людей Рульфа? Нас всего четверо!

— Наш отряд находится ближе всего к Железной пуще и вольному баронству Лотар, — Гвай ткнул пальцем в карту. — Четыре или пять дней конного хода. А сколько нас — не имеет значения, устав гильдии предписывает охотникам оказывать помощь собратьям по ремеслу без оглядок на собственную безопасность.

— Грандиозно… — варвар только развел руками. — Где не справились четыре с лишним десятка самых отчаянных сорвиголов, там победят четверо! Да, стальная логика у этого герцога Дайнара!

— А мы всегда не числом брали, но умением, — фыркнула Асгерд. — В сущности, ничего особенного делать не придется — надо только выяснить, что случилось с Рульфом и его ватагой, поглядеть, какова обстановка в Лотаре и доложить Совету. А уж в Бельверусе будут принимать решение — стоит принимать чрезвычайные меры, или нет.

— То есть? — поднял брови Конан. — Что в понимании Совета является «чрезвычайными мерами»?

— Если появляется серьезная угроза, Совет Хранителей гильдии обязан собрать всех свободных от трудов охотников и отправить на истребление нечисти. В таком случае, к отряду могут присоединиться волшебники Ордена Алого Пламени Равновесия или Золотого Лотоса, обязанные помогать Ночной Страже по старинному уговору… Возможно, придется привлекать и армии государств, поддерживающих с нами союз, хотя такое случалось всего однажды — девятьсот лет назад, когда войско Аквилонии помогало Страже очистить земли, теперь именуемые Боссонией от сохранившихся со времен Кхарийской империи чудовищ и нечистой силы.

— Словом, начинаем собираться, — заявил Гвай. — Берем с собой все возможное снаряжение, и выезжаем завтра поутру. А я пока съезжу в замок герцога — поболтать с месьором Атрогом, может быть, он знает что-либо о событиях в Лотаре…

Верные соратники дружно покивали — если кто и был осведомлен больше всех, так это месьор Охранитель высокой короны, начальник тайной службы Райдора, достойнейший месьор Атрог Гайарнский.

* * *

Сборы отряда в поход — дело исключительно серьезное и трудоемкое, поскольку Ночные Стражи обычно возят с собой немыслимое количество самого разнообразного снаряжения, каковое может пригодиться в любой момент. Посему, когда Гвайнард оседлал коня и уехал в герцогский замок, киммериец и Эйнар под чутким руководством Асгерд начали укладывать вещи.

Для перевозки бесчисленных сетей, капканов, особых приспособлений предназначенных для поимки или убиения некоторых особо хитрых и зловредных чудовищ предназначался ныне топтавшийся в просторной конюшне боссонский тяжеловоз с традиционным именем «Малыш». Если кто не знает, кроме недоступной иным лошадям силы и выносливости, тяжеловозы обладают еще одним весьма полезным для Ночной Стражи качеством — эта здоровенная коняга с громадными копытами, волосатыми лапами и флегматичным добродушным характером гораздо острее других домашних Животных чувствует близкое присутствие различной нечисти и нежити.

Когда большая часть снаряжения была аккуратно уложена в непромокаемые кожаные мешки, варвар отправился на конюшню — надо было отвести Малыша на соседнюю улицу, к кузнецу Хрофту и заново подковать. Отдыхавший в самых дальних и на всякий случай укрепленных железными полосами яслях Гнедой киммерийца злобно взвизгнул, узрев, что возлюбленный хозяин направляется не к нему, а тяжеловозу. Проклятая тварь была ревнива, что неудивительно: сартаки, очень похожие на настоящих лошадей хищники из мира Аурус были существами полуразумными, а значит, обладали некоей долей почти настоящих чувств, из которых, как известно, наиболее сильны любовь и ревность.

— Поедем гулять только вечером, — Конан решительно пресек попытки Гнедого привлечь к себе внимание. Сартак, зная, что с хозяином не поспоришь, утихомирился, рыкнув, однако два неких словечка по-киммерийски, которые можно с трудом перевести как «оскопленный осел» — за время общения с варваром, способный отчасти перенимать человеческую речь ездовой монстр успел изучить достаточно крепких горских выражений, употребляемых Конаном в мгновения жизненных трудностей.

— Сам дурак, — не остался в долгу киммериец, выводя Малыша из стойла. Тяжеловоз косился на ясли Гнедого огромным лиловым глазом с явным неодобрением — понимал, что этот, с позволения сказать, «конь» имеет к конской породе столько же отношения, сколько Конан — к монастырю секты, исповедующей отречение от мирских благ, вина и женщин.

Вышли на улицу через ворота хозяйственного двора. Надо было пройти два квартала вверх по Волчьей, а затем повернуть на улицу короля Ариорикса, где и располагалась кузня почтенного мастера Хрофта. Немногочисленный прохожие, в основном добропорядочные обитатели соседних домов, благочинно раскланивались с варваром — он хоть и был в Райдоре новеньким, чужаком, приехавшим в столицу герцогства совсем недавно, однако

входил в отряд почитаемой всеми Ночной Стражи, о котором в столице владений его светлости Варта Райдорского ходили самые настоящие легенды.

— Перековать? — пожилой кузнец, чьими услугами издавна пользовались охотники, вытер руки грязнейшей промасленной тряпкой и воззрился на пыхтевшего за спиной варвара Малыша. — Отчего бы и не перековать… Собрались куда-то?

— Собрались, — подтвердил Конан. — К Вольным Баронствам, на Закат.

— Путь неблизкий, — кивнул Хрофт, но дальше расспрашивать не стал — мастер был не любопытен и предпочитал не совать нос в чужие дела, а особенно в дела Ночной Стражи. Эти сорвиголовы ходят по тонкому барьеру, отделяющему привычный зримый мир от страшного мира незримого, Универсума чудовищ и духов, так что лишние знания о таких страстях простому человеку могут только повредить. — Пошли к кузне…

Малыш сразу понял, что от него хотят, и согнул в колене правую переднюю ногу. Хрофт осмотрел копыто тяжеловоза и поднял недоуменный взгляд на Конана.

— К другому кузнецу намедни водили?

— К другому? — не понял киммериец. — Нет, сам знаешь, наши лошадки всегда у тебя подковываются…

— Тогда сам посмотри, — Хрофт указал на старенькую стертую подкову, которая была явно мала для могучего копыта Малыша. — Ковка не моя, нет мастерского клейма, гвозди с квадратной шляпкой я не использую. Да и какой балбес использовал такую маленькую подкову? Хотите лошади копыта испортить?

— Ничего не понимаю, — пребывая в полнейшем недоумении, ответил Конан. — Наверное, Гвай или Эйнар его зачем-то перековывать водили — только зачем и когда? Я бы знал. Приду домой — устрою этим разгильдяям веселенькую жизнь!

— Ну, ладно, — махнул мозолистой лапищей Хрофт. — Только впредь так не делайте, а если хотите отыскать другого мастера, меня предупредите, может, кого посоветую…

По возвращению в усадьбу, где Эйнар, Асгерд и довольно быстро приехавший из Замка Короны Гвайнард продолжали лихорадочную деятельность по подготовке к завтрашнему отъезду (теперь вся троица громкоголосо спорила насчет того, какие именно припасы провизии брать с собой и в каком количестве), Конан сразу задал вопрос в лоб: кто опростоволосился? Кто отвел тяжеловоза к негодному кузнецу? Признавайтесь! Скотина-то дорогая, да и полезная!

В доказательство обвинений были предъявлены снятые Хрофтом подковы, которые варвар предусмотрительно захватил с собой.

— Бред какой-то… — высказался Гвай, когда стало ясно, что никто из охотников к сему таинственному событию непричастен. Между прочим, допросили даже престарелую домоправительницу с мужем — госпожа Тюра отреклась от этой проделки так же решительно: ей только не хватало хозяйских лошадей на кузню водить, будто других дел нет! Усадьба-то немаленькая, за хозяйством глаз за глаз нужен! — Ну, не мог же Малыш сам перековаться! Боссонские тяжеловозы для кузнечного ремесла не приспособлены!

— Сплошные странности, — задумчиво проговорила Асгерд, поглаживая пальцами подбородок. — Я сегодня заметила, что в кладовой непорядок. Сундук, где мы сети храним, передвинут в другой угол, куда-то потерялись два капкана с посеребренными зубцами, закупоренный и залитый воском сосуд с декоктом мэтра Гизульфа оказался откупорен и какая-то сволочь разлила или выхлестала едва не половину кувшина…

— Половину? — ахнул Гвай. — Тот самый кувшин с настоем для «ночного зрения»? Да

если бы кто выпил хоть четверть кружки этой оравы — окочурился бы на месте! Сама знаешь, употреблять декокт надо по капельке… Наверное, пролили по неосторожности!

— Пятен на полу нет, — холодно отозвалась Асгерд. — Доски выскоблены начисто, а отвар темный, след так сразу не выведешь. И еще. Потерялись несколько вещиц из нашего собрания. Только сегодня обнаружила, когда хотела взять необходимые нам в походе амулеты.

Все дружно уставились на широкую полку, протянутую вдоль полуночной стены — там хранились несколько десятков талисманов и оберегов, некоторые из которых обладали нешуточной магической силой. Всем известно, что Ночная Стража частенько использует в борьбе против проникающих в Универсум людей иномировых чудовищ Светлую или Алую магию. Многие предметы, хранившиеся у отряда Гвайнарда были воистину бесценны — в них вкладывали свою силу самые могучие маги Хайбории, от волшебников древности, до таких ныне живущих знаменитостей, как Пелиас из Кофа, который являлся главой Белого конклава чаще именуемого орденом Золотого Лотоса.

— Что именно… э… потерялось? — очень нехорошим голосом осведомился Гвай.

— Смешно то, что исчезли самые бесполезные вещицы. Ну, скажите, кому нужен в нынешние времена оберег, способный отпугнуть Местер Струворма?

— Это что еще за дрянь? — подивившись на незнакомое название, спросил Конан.

— Морское чудовище в виде огромной змеи, длиной до сотни шагов, — пояснил Эйнар, хорошо разбиравшийся в разновидностях древних монстров. — Вымерло несколько столетий назад, по крайней мере о Местер Струворме лет шестьсот-семьсот никто и слыхом не слыхивал. Конан, ты же долго был капитаном королевских корсаров на Полуденном Побережье, должен знать все морские легенды. Слышал когда-нибудь о змеях такого размера?

— Чего я только не слышал, — усмехнулся киммериец. — Моряцкие байки, о каких только чудищах не повествуют, вспомнить страшно! Но я верю только своим глазам. А поскольку такую змеюку за несколько лет плаваний ни разу не видел — значит, ее не существует.

— Железная логика, — бесстрастно отметил Гвай. — Асгерд, что еще исчезло?

— Талисман, защищающий от «Черной Радуги», но это заклятье утеряно со времен падения Кхарии и с тех пор ни единого разу не применялось. Два деревенских оберега обороняющие от мелкой домашней нечисти. Кажется, все…

— Бред, — повторил Гвай исходный постулат. — Как связать Местер Струворма, заклинание «Черной Радуги» и мелкую нечисть, вроде домовых или хохотунцев? Не знаю, как у вас, но у меня нет никаких мыслей.

— Может, у нас своя собственная нечисть завелась? — предположил Конан. — Вот не знаю, как с этим сомнительным добром обстоят дела в Британии, а у нас в Киммерии присутствие в жилище незримых тварей, которых мы называли «хранителями очага» — дело вполне привычное. Помню, у отца в кузне огневичок жил — помогал огонь в тигле разводить, а мать ему всегда миску с козьим молоком ставила…

— Нет, тут что-то другое, — покачал головой Эйнар. — Описанные тобой существа родственны нам, броллайхэн, Духам Природы. Я бы почувствовал присутствие чужака. Если в доме и завелось… нечто, то оно очень умело прячется от меня.

— По крайней мере, это самое «нечто» не особенно вредоносно, — сказал киммериец. — Не знаю как вы, а я полагаю, что оберег против морских змеюк нам в обозримом будущем не потребуется. Если кто не помнит, до ближайшего побережья почти полторы тысячи лиг. Я

что, не прав?

— Насчет вредоносности — не прав, — отрезал Гвай. — Ладно бы ненужные амулеты, но половина кувшина декокта из кладовой? Знаешь, сколько его алхимическая милость мэтр Гизульф запрашивает за каждый такой сосуд? Можно пять тяжеловозов купить…

— Или тысячу пар сапог, — мрачно сказал Конан. — Руку даю на отсечение — утренняя шутка с нашими сапогами его рук дело!

— Кого — его? — фыркнул Гвайнард. — Ты еще скажи что этот «он» Малыша перековал! Хватит болтать, до вечера еще кучу дел надо переделать! А потом — как следует выспаться, поскольку выезжаем с самым рассветом!

* * *

Небольшие, провинциальные городки наподобие Райдора просыпаются рано. Еще до восхода солнца над пекарнями начинают подниматься дымки, на улицах появляются молочницы и золотари, торговцы начинают стекаться к рыночной площади, чтобы приготовить лавки для дневной торговли, позевывающая стража лениво обходит кварталы и с нетерпением ожидает смены. А когда золотой диск выползает из-за далеких зубчиков Кезанкийского хребта, открываются городские ворота, чтобы впустить повозки окрестных кметов, привезших в город продукты.

Ватагу охотников привратная стража отлично знала — почтеннейшие Ночные Стражи частенько отлучались из Райдора по своим загадочным делам, кроме того, именным указом его светлости герцога Варта им дозволялся беспошлинный проезд по всем землям герцогства и королевства Бритуния, а кроме того был выписан так называемый «золотой лист». Сей бессрочный документ предписывал всем коронным управителям и дворянам, являющимся вассалами скипетра Пайрогии оказывать охотникам за чудовищами все возможное содействие, а при необходимости помогать деньгами, фуражом или людьми. Фактически, это была самая настоящая охранная грамота, какие обычно даруются лишь «государственным людям» — посланникам, спешным гонцам или королевским чиновникам, отправленным в провинцию по неотложным делам.

Капитан стражи, ясное дело, подорожную у Гвайнарда спрашивать не стал — всем известно, что обладатели «золотого листа» могут ездить когда угодно и куда угодно, в любое время. Даже ночью караульные обязаны открыть для них городские ворота по первому требованию. Опытный гвардеец отметил, что Ночные Стражи собрались в дальнее и опасное путешествие, поскольку вслед за отрядом, на коротком чембуре, величественно шествовал соловый тяжеловоз, нагруженный изрядным количеством поклажи. Если охотникам предстояло заурядное дело по изведению какого-нибудь болотного ящера или объявившегося в ближнем лесу мантикора, тяжеловоз оставался дома, и ватага отправлялась на промысел налегке. Если же отряд Гвайнарда берет с собой эту гигантскую конягу, значит, и впрямь стряслось нечто весьма серьезное…

Прямой как стрела добротный наезженный тракт вел точно на Закат, к Пайрогии. Возле бритунийской столицы дорога расходилась на два важнейших пути. Один вел в Немедию, другой — на Полночь, до земель Пограничья к Граскаальским горам и далее через Перевал

Черепа, в Гиперборею. Охотникам же требовалось направиться от Пайрогии в сторону Полуденного Заката, к «ничейным землям» расположенным над Солеными озерами. Если в пути не возникнет задержек, Стражи смогут достигнуть пределов баронства Лотар к вечеру четвертого дня пути. А дальше — как повезет…

Сартак Конана шел упругой размашистой рысью — зверюга почуяла дальнюю дорогу и теперь радовалась возможности показать свои способности во всей красе, поскольку зубастые хищники с Ауруса гораздо выносливее и резвее любой лошади, включая знаменитую пуантенскую породу, которой отдают предпочтение большинство разбирающихся в лошадях опытных путешественников. Впрочем, лошадки Асгерд, Гвая и Эйнара тоже не отставали. Малыш грузно топал позади, причем умный тяжеловоз сейчас шел самостоятельно, без хозяйского чембура — боссонские великаны никогда не отойдут от отряда, не отстанут и не свернут с дороги.

В окрестностях Райдора по пути еще встречались поселки или усадьбы местных дворян, больше похожие на маленькие деревянные крепости, но через семь-восемь лиг начались дремучие пущи, простиравшиеся едва ли не до самой столицы рубежей Немедии. Бритуния доселе была мало населена, а тысячелетние леса вообще не были обжиты людьми — человек старался селиться по берегам рек или ближе к горам, богатым рудами и серебром, которое и было основой благополучия небольшого полуночного королевства: рудники исправно снабжали казну государя Эльдарана бесчисленными серебряными слитками.

Разумеется, в как в Райдоре, так и в области, окружающей Пайрогию, имелась своя дорожная стража, обязанная следить за порядком на торговых путях, и оберегать мирных путников от возможных неприятностей, наподобие разбойников и иных лихих людей, но гвардейские разъезды предпочитали не забираться за пределы владений герцога или королевского домена, так что примерно половина Пайрогийского тракта никогда и никем не охранялась. Торговцы предпочитали нанимать охрану, а одиночные путешественники предпочитали собираться в компании по восемь-двенадцать или более человек и ехать вместе — так оно надежнее.

Конечно, шайки дорожных грабителей, в относительно спокойной Бритунии, были редкостью (а в Райдоре их вообще повывели, спасибо тяжелому на руку и быстрому на расправу герцогу Варту), однако лишний раз рисковать никому не хотелось.

Более того, на всем протяжении тракта встретить придорожную таверну или постоялый двор было невозможно — никто не желал селиться в эдакой глухомани, да и проезжающих которым могут потребоваться услуги постоялого двора не так много, как может показаться. Таким образом, путешественникам следовало надеяться только на себя и брать с собой достаточно припасов, чтобы их хватило на несколько дней. Конечно, в крайнем случае, можно охотиться — зверья в лесу великое и непуганое множество — но где раздобыть среди дикой чащи вино или хлеб? Если сам о себе не позаботишься, никто о тебе не позаботится!

Как и предполагалось, отряд Гвайнарда провел в седлах полный день, дважды остановившись перекусить и дать отдохнуть лошадям. Лишь когда солнце начало касаться верхушек вековых деревьев, было решено искать место для ночлега.

Таковое обнаружилось почти сразу — очень симпатичная полянка по правой стороне тракта, здесь же журчала неширокая речка с каменистым дном и ледяной чистейшей водой. На самой поляне обнаружилось старое, окруженное булыжниками кострище — несомненно, путники, останавливались здесь и прежде. Более того, у корней огромной, в три охвата, сосны, были аккуратно сложены нарубленные кем-то полешки для костра.

Лошадей расседлали и стреножили, Конан и Гвай сняли с Малыша поклажу и отпустили тяжеловоза погулять — так или иначе далеко он не уйдет. Сартак ушел в лес — охотиться, поскольку предпочитал питаться не травкой, а чем-то посущественнее. За Гнедого Конан не беспокоился: плотоядное чудовище в лошадином обличье могло отлично постоять за себя — даже случись ему схватиться с медведем или обитающей в райдорских дебрях «лесной кошкой», повадками и размером более напоминающей тигра, сартак непременно выйдет победителем, слишком умен и силен.

Асгерд с Эйнаром взялись за костер и котелки. Ужин предстоял простой, но сытный — Асгерд давно изобрела прекрасный способ накормить голодных мужчин: в котелок отправляются тонкие ломти солонины, мелко нарубленные овощи и нарезанное «соломкой» сушеное тесто. Конан непременно добавлял в варево туранские специи, к которым на веки вечные приучился еще в давние времена службы при дворе императора Илдиза в Аграпуре после нескольких щепоток жгучих пряностей похлебка приобретала совершенно неземной вкус и аромат — хоть к королевскому столу подавай!

— Эт-то что еще такое? — озадачилась Асгерд, когда из мешка с провизией вывалилась некая блестящая вещица на серебряной цепочке.

— Здрасьте, это ж потерявшийся амулет! — Эйнар нагнулся и поднял литую подвеску в виде свернувшейся в кольцо змейки с синими глазками-сапфирами. — Тот самый, который Местер Струворма отпугивает! Ну-ка други любезные, признавайтесь, кто засунул его в мешок с солониной? А самое главное — зачем?

Гвай и Конан дружно пожали плечами, Асгерд только глаза закатила:

— Будем считать, что он завалился туда случайно, — сказала она, сделав ударение на последнее слово. — Эйнар, засунь талисман в споран и забудь о нем! Не время ломать голову над пустяками!

Не желая спорить, броллайхэн положил серебряную змейку в висевшую на поясе круглую кожаную сумочку, подаренную недавно Конаном (такие спораны были весьма распространены в Киммерии) и молча отправился за хворостом.

…В вечерних сумерках ярко пылал веселый оранжевый костер, искры рвались в темно-синее небо, вовсю булькал и исходил паром вместительный котел, а вся компания удобно рассевшись вокруг огня на теплых попонах, ожидала, когда таинство приготовления ужина свершится и можно будет приступить к священному ритуалу поглощения пищи.

— Интересная штуковинка, — Эйнар вертел в пальцах злосчастный амулет, рассматривая выгравированные на змейке старинные нордхеймские руны. — Изготовлен явно в Асгарде, поскольку форма оберега точь-в-точь совпадает с известными изображениями Йормунганда, Мирового Змея, отпрысками которого считались Местер Стурвормы. Разумеется, до тех пор, пока их окончательно не перебили. Кстати, ничего магического в этих тварях не было, обычнейшая морская змеюка, только слишком уж здоровенная. Обитала в Полуночных морях и иногда доставляла мореплавателям множество неприятностей — когда Местер Струворм голоден, он может запросто утащить человека с открытой палубы. Между прочим, магия в амулет вложена довольно мощная, но я не могу понять, как асиры умудрились сделать такую вещицу — в Асгарде отродясь не было знающих магов. Так, шарлатаны…

— Наверное, использована сила рун, — предположил киммериец. — Руническая магия — самая древняя и действенная.

— Посмотрим, — прищурился Эйнар, разбирая руническую надпись. — «Тюр»,

«Беркано», «Эйваз», перевернутый «ночной» «Тейваз», «Арикс», «Алгиз»… Смысла не понимаю! Какое-то забытое заклинание… Ой, змея!

Броллайхэн шарахнулся в сторону, поскольку на его попону без всякой боязни заползла толстая черная гадюка — самая настоящая, с зигзагообразным рисунком на спинке и ромбовидной головой.

— Демоны зеленые! Еще одна! — рявкнул Гвай, узрев у своих сапог вторую гадюку, только на этот раз обычную, серенькую. — И еще!

Сразу три змеи устремились к Конану, однако варвар не растерялся — выхватил из костра пылающий сук и отогнал тварей подальше. Осмотревшись, киммериец внезапно понял, что некогда тихая полянка полна змей — самых разных, начиная от безобидных веретениц и ужей до зеленых лесных аспидов, укус которых, безусловно, смертелен. Это тебе не гадюка какая-то, чей укус поболит денек-другой, а настоящий аспид, истинное проклятие болот и дремучих лесов!

— Эйнар, они к тебе ползут! — заорал Конан, совершая прыжок в сторону, к дороге — там змей было поменьше. — Амулет! Проклятый амулет! Ты прочел руны, произнес заклятье! Быстро кидай его в огонь! Немедленно!

— З-зачем? — заикнулся броллайхэн, но рассуждать было некогда — змеи и впрямь решили, что Эйнар является самой привлекательной добычей и, не обращая внимания на остальных, двигались к нему.

— Кидай, говорю!

Серебряная змейка сверкнула в пламени костра и упала точно на раскаленные добела угли. Спустя несколько мгновений, металл начал плавиться. Сверкнула синяя вспышка — сосредоточенная в вещице магия высвободилась и рассеялась.

Сонмище чешуйчатых гадов, как ни в чем ни бывало, развернулось и поползло обратно в лес. Вскоре на поляне не осталось ни единой змеи.

— Ф-фу… — утер лоб Гвайнард, а Асгерд буркнула под нос такое словечко, что даже Конану стало чуть-чуть стыдно. — Что это было?

— Понятия не имею, — выдавил Эйнар. — Теоретически, амулет обязан отпугивать змей, причем именно гигантских и именно морских. А он вдруг привлек самых обычных и вполне себе сухопутных. Почему?

— Может, у него было сразу несколько действий? В том числе и такое? — озадачился Конан, но Эйнар сразу запротестовал:

— Запомни навсегда: один амулет — одно заклинание! Это закон магии, который еще никто не отменял! Нельзя при помощи одного оберега защититься от Местер Сруворма и поджарить яичницу без огня и яиц!.. Тихо! Слышите?

В лесу, совсем рядом с полянкой, за стволами деревьев кто-то хихикал. Мерзко так хихикал, словно над скверной шуткой. И голос был явно не человеческий.

— А ну, глянем! — Гвай моментом выхватил из ножен посеребренный клинок, предназначенный для поражения нечистой силы. Хотя, откуда сейчас возьмется нечистая сила? Солнце-то еще не зашло за горизонт!

Не менее полного квадранса вся четверка бравых охотников обшаривала подлесок, но неизвестного весельчака обнаружить не удалось. Чужих следов тоже не было. Пришлось возвращаться к костру.

— Так, — сквозь зубы сказала Асгерд. — Чудеса продолжаются!

Котелок был аккуратно снят с огня и теперь стоял возле кострища. Крышка валялась

рядом.

— Прирежу гада! — рявкнул Конан, осознав, что именно произошло. — Да что ж это делается на белом свете! Гвай почему-то расхохотался.

Вкусный ужин пришлось отменить по причинам, от охотников не зависящим. Пока Гвайнард и остальные охотились на хихикающего невидимку, некто сожрал всю похлебку (именно сожрал, а не разлил!) а потом…

А потом преизобильно облегчился прямиком в котелок.

Глава вторая

Конан бушевал до наступления темноты, понося на чем свет стоит неизвестного шутника — мало того, что оставил весь отряд без ужина, так еще и… Убивать за такое надо!

В любом случае котелок придется выбросить — если Гвай и Эйнар предложили его отмыть, а потом прокалить на огне, то Асгерд с Конаном решительно этому воспротивились. Дело в том, что у асиров (Асгерд происходила родом из Нордхейма) и киммерийцев существует неписаный, но нерушимый закон, гласящий, что если исходящая от тела нечистота коснулась любого предмета, связанного с употреблением пищи, от такового предмета следует немедленно избавиться, чтобы не навлечь гнев богов — любая трапеза есть священнодействие, вкушение божественных даров. Следовательно, нечистота может оскорбить Незримых.

Гвай согласился с этими доводами, злосчастный котел был отнесен на пятьсот шагов ниже по течению реки и выкинут в заросли осоки. Засим, невозмутимая как богиня Фрейя Асгерд извлекла из мешков с поклажей запасной походный котел и с помощью Эйнара вновь принялась за труды — поскольку никто не желал оставаться голодным.

Тем временем вернулся Гнедой: судя по окровавленной морде, сартак славно поужинал, скорее всего, завалив лань или некрупного оленя. Конан в который раз подумал о том, насколько странный скакун ему достался — по виду лошадь лошадью, а повадки хуже, чем у иного леопарда. Но умен мерзавец, этого не отнимешь.

Гнедой прошелся по лагерю, ненадолго задержался у сваленных в кучу вещей, шумно обнюхал мешки и отправился к речке, на водопой. Киммериец обратил внимание на то, что вид у сартака был слегка озадаченный — будто учуял что-то…

— От костра не отлучаться, — приказал Гвай, когда котел был утвержден на углях и начал закипать. — Хотя бы один из нас постоянно должен находиться в лагере. Есть у меня нехорошее подозрение, что мы обзавелись донельзя странным попутчиком, который преследует нас от самого Райдора.

— Если это так, то к нечистой силе он не относится, — немедленно дополнил Эйнар. — Действует при свете солнца, лошади не беспокоятся, да и наши амулеты молчат.

Броллайхэн был абсолютно прав. Каждый охотник носил на шее оберег в виде серебряной головы волка. Если неподалеку использовалась черная магия или разгуливала нечисть, амулет становился холодным и начинал вздрагивать. Однако сейчас охранная магия Ночной Стражи молчала, не предвещая никакой опасности.

…Дозвольте пожелать всем вам доброго вечера, — из темноты неожиданно послышался отлично знакомый охотникам голос. — Могу я присоединиться к вашей трапезе?

В круг света костра вошел человек, облаченный в широкую черную хламиду с капюшоном и церемонно раскланялся с Гвайнардом. Если быть точным, это был не совсем человек, а еще точнее — совсем не человек. Компанию Ночных Стражей решил навестить старинный приятель и незаменимый помощник в делах — Рэльгонн из Рудны, упырь, вампир и просто очень хороший друг Гвая и всех остальных райдорских охотников на монстров.

— О, кого к нам на огонек занесло, только посмотрите! — обрадованно воскликнул киммериец. — Ты где гулял последнюю седмицу, морда вампирская?

— Конан, когда же ты научишься достойному обхождению? — огорчился Рэльгонн, сбрасывая капюшон, под которым действительно обнаружилась самая настоящая вампирская

морда — желтые глаза навыкате, тонкие синеватые губы за которыми скрывались ужасающие конические зубы, длинный крючковатый нос, серо-белая пергаментная кожа и острые, прижатые к лысому черепу уши. Тут Конан оказался непогрешимо прав — покажи эдакое страшилище любому непривычному человеку, со страху штаны намочит.

— Извините, что так долго не навещал, — упырь запросто присел к костру, не забыв перед тем извлечь из складок своего балахона весьма вместительную баклагу и передать варвару. — Вот, это в качестве извинений — перед тем, как заглянуть к вам, слетал в Пуантен, на винодельню «Золотая Лоза». Не подумайте, вино я не украл! Честно взял из хранилища, оставив на месте сосуда четыре золотых аурея, вино-то очень дорогое.

Охотники согласно покивали, отлично понимая, в чем тут дело.

Во-первых, рудненские упыри-каттаканы отличались от людей обостренным чувством справедливости, почти невероятной честностью и трепетным отношением к чужой собственности.

Во-вторых, не было ничего удивительного в том, что Рэльгонн смог так запросто «слетать» в Пуантен — благодаря уникальной способности «прыгать через Ничто», каттаканы могли за долю мгновения преодолевать любой расстояние в пределах Хайборийского мира. В-третьих, Рэльгонн был очень благовоспитанным вампиром и наверняка посчитал, что семидневное отсутствие, за время которого Стражи гадали, что могло приключиться с каттаканом, ранее являвшимся в гости каждый вечер после заката, потребует возмещения.

— …Кажется, мы нащупали ниточку, ведущую к тайне Врат Миров, — неторопливо повествовал упырь, глядя в пламя костра своими замечательными золотыми глазами. — Собственно, все минувшее время мы занимались только этой проблемой, и я не мог уделить время для визита. Потом расскажу в подробностях… Сегодня вечером я нагрянул в ваш дом на Волчьей улице, но домоправительница, госпожа Тюра, сказала, что вы уехали на Закат. Пришлось догонять.

— Догонять! — фыркнул Конан. — Мы-то ехали полный день, с рассвета, а ты способен за один миг очутиться где угодно!

— У людей тоже есть недоступные каттаканам способности, — парировал Рэльгонн. — И, поверьте, они не менее впечатляющи, чем прыжки сквозь Ничто. Итак, я слушаю вас, друзья. Что такого случилось? Отчего вы спешно отправились на Закат? А самое главное — требуется ли моя помощь?

Гвай рассказал. Про письмо от Хранителей, про загадочную историю с исчезновением большого отряда охотников, про странности с сапогами и пропавшим, а потом внезапно появившимся амулетом, про змей… Даже про изгаженный котелок поведал. Сам Гвайнард не видел особой связи между всеми этими событиями, но Рэльгонн, как существо, обладающее логическим складом ума, призадумался.

— Что происходит в баронстве Лотар, я разведаю нынешней же ночью, — уверенно сказал упырь. — И попробую отыскать ваших потеряшек. Для этого придется поднять на крыло всех моих родственников, ну да ничего — они засиделись в Рудне, надо поразмяться! А вот странности с мелкими пакостями меня весьма настораживают.

— Мелкие пакости?! — снова взорвался Конан. — Если ты думаешь, что наср… гм… нагадить в котелок — это мелкая пакость, то у нас разные представления о жизни!

— А разве я когда-либо отрицал последнее? — не без иронии спросил Рэльгонн. — Оставим частности, и подумаем о главном. Со вчерашнего дня вы начали чувствовать на себе

чье-то неусыпное, внимание, верно? Кто-то таскает мелкие вещицы…

— И сапоги! — напомнил варвар.

— Таскает мелкие вещицы, сапоги, пищу, — мирно согласился упырь. — О не слишком остроумных шутках мы вообще умолчим. Лично я, пусть и являюсь существом из иного мира с совершенно другой системой ценностей, такого юмора решительно не понимаю. Однако, меня заинтересовала история со старинным амулетом. Вопрос ко всем: вы уверены, что амулет был предназначен именно для отпугивания морского животного, которое вы именуете «Местер Струвормом»? Никакой ошибки?

— Клянусь, никакой! — уверенно сказал Гвай. — Талисман мне подарил волшебник Пелиас Кофийский, покровитель гильдии Ночной Стражи от конклава Золотого Лотоса. Столь многоученый маг не мог ошибиться!

— Верно, не мог, — согласился Рэльгонн. — Я знаком с Пелиасом, он действительно разбирается в своем деле… Пожалуй, соперничать с Пелиасом может только Тот-Амон из Черного Круга Стигии, исключительно одаренный человек! Итак, вывод я могу сделать только один: некто или нечто изменило свойства амулета. Основа заклинания осталась нетронутой: оно воздействовало на змей. Однако, изменились частности — заклятье стало привлекать, а не отпугивать гадов, кроме того в Райдоре Местер Струвормы по определению не водятся, но зато их более мелкие сородичи охотно откликнулись на зов… Что это может означать?

— Понятия не имею, — отозвался Гвай. — Может, Эйнар неправильно прочитал руны и тем самым изменил заклятье?

— Исключено, — покачал головой Рэльгонн. — Перепутай в заклятии хоть одну букву, и оно не подействует. Существует распространенное заблуждение, что если заклинание прочитать наоборот, с последней буквы, то действие будет обратным исходному, но это тоже полнейшая чепуха, проверено не одним поколением магов… Повторяю: логика подсказывает, что свойства амулета были преднамеренно изменены. Но кому это понадобилось, и с какой целью? Ситуация донельзя абсурдная, вам не кажется?

— Кажется, — уверенно сказал Конан. — Рэльгонн, ты здесь самый умный. Так что объясни, что происходит. И я действительно не вижу связи между дерьмом в котелке и магией!

— Нет, связь существует, — убежденно ответил упырь. Какая именно — мне пока неясно, но… Боюсь, придется мне забросить на время свои дела и каждую ночь навещать вас, почтеннейшие охотники за чудовищами! Не могу устоять перед очередной загадкой, пусть даже и глупой!

— Кажется, ужин готов, — прервала разговор Асгерд, помешивавшая в котелке оструганной палочкой. — Рэльгонн, хочешь поесть?

— Пожалуй, уже не хочу, — задумчиво сказал каттакан. — Вот что мы сейчас сделаем. Вы ужинайте, отдыхайте, а я сейчас прыгну через Ничто к себе в Рудну, призову на помощь возлюбленных сородичей и мы отправимся в баронство Лотар, разведывать, разнюхивать и выяснять обстановку… Ждите новости к утру, до рассвета.

Не попрощавшись, упырь запахнул плащ поплотнее и мгновенно исчез, словно некая колдовская сила вырвала его из ткани реальности.

— Давайте миски, — вздохнула Асгерд. — Конан, надеюсь ты не успел выпить принесенное Рэльгонном вино в одно горло?

Оскорбившийся варвар продемонстрировал темневшую на горлышке баклаги

нетронутую печать пуантенских виноделов.

Поужинали. Похлебка, взятые из дома пшеничные лепешки и вино оказались выше всяких похвал. Настало время ложиться спать.

— Я посторожу до восхода луны, — сказал киммериец Гвайнарду. — В сон пока не клонит, да и Рэля надо обязательно дождаться. Когда появится луна, разбужу.

— Хорошо, я тебя сменю, — кивнул командир отряда, закутался в попону и мигом уснул. Асгерд с Эйнаром немного поворочались на своих лежанках, и вскоре тоже отбыли в призрачный мир, обычно именуемый стихосложителями «царством грез».

Сонно всхрапывали лошади, журчала речка. Гнедой бродил вокруг стоянки — сартак мог поспать всего два-три колокола, а затем вновь становился бодрым и полным сил, это тоже было его полезной особенностью. Конан начал задремывать, зная, что четвероногий клыкастый монстр в конской шкуре охранит лагерь куда лучше самого чуткого сторожевого пса и будет способен намылить холку любому врагу или просто разбудить людей в случае необходимости.

Первый (и он же последний в эту ночь), сон варвара был замечателен — из сине-серебристой дымки вышла старая подруга, хауранская королева Тарамис, уселась рядом на ковре, положив голову на колени Конана, и…

— Поднимайтесь! Конан, хватит дрыхнуть! Киммерийца будто пружиной подбросило. Он вскочил, протер глаза и обнаружил стоящего возле сияющего багровыми угольками кострища Рэльгонна. Сартак яростно, завизжал — упыря Гнедой недолюбливал из-за недавнего происшествия в Райдоре, связанного с появлением допплегангера. Каттакану тогда пришлось перенести сартака через Ничто, а Гнедому это краткое путешествие по неясным для Конан причинам очень не понравилось.

— Что? — выдохнул варвар.

— Немедленно собирайтесь! Через два квадранса вы должны быть готовы! Отправляемся в баронство Лотар! Ваше присутствие там необходимо! Мы обязаны успеть до рассвета!

«Приехали… — подумал киммериец. — Да что такого жуткого стряслось? А Гнедой вообще перестанет повиноваться после нового путешествия сквозь пустоту…».

Рэльгонн тем временем пытался разбудить никак не желавшего просыпаться Эйнара.

* * *

По меркам огромного Закатного материка расстояние между Райдором и вольным баронством Лотар было невелико, всего-то около ста двадцати аквилонских лиг, считая по четыре с половиной тысячи шагов в каждой лиге.

Тем не менее, лошади охотников шли бы до «ничейных земель» больше трех дней, а тут подвернулась возможность преодолеть разделяющее Бритунию и Соленые озера пространство за долю мгновения…

Как и следовало ожидать, в Лотаре тоже была ночь — первые сполохи рассвета над Солеными озерами еще не загорелись, на черном небе сияли крупные звезды, а совсем неподалеку от того места, где сопровождаемый каттаканами отряд охотников «вынырнул» из

пустоты, мерцали оранжевые точки.

— Факелы, установленные по периметру стен крепости, — определил Конан. — Это и есть обиталище местного барончика?

— Именно! — кивнул Рэльгонн. — Правда, я не уверен, что до рассвета вас впустят в крепость: люди очень напуганы тем, что происходит в Железном лесу…

Каттакан вытянул руку, указывая на черную стену деревьев, возвышавшуюся со стороны Полуночи.

… Причины поднятой упырем паники были весьма существенны.

Во-первых, Рэльгонн вкупе со своим дядей, братом и двумя сыновьями довольно быстро обнаружил пропавший отряд немедийской Ночной Стражи — по словам упыря, «их захватили какие-то странные люди». Гвай немедленно сказал в ответ, что эти самые люди действительно весьма странные — пленить отряд Стражей в сорок шесть мечей, это тебе не шуточки!

Во-вторых, все бойцы отряда Рульфа были обездвижены — неизвестные злыдни содержали их в заброшенном строении на окраине Железного леса, в четырех лигах от крепостишки барона Лотара. По утверждению Рэльгонна, все охотники были живы, но пребывали в состоянии похожем на глубочайший сон. Видимо, не обошлось без магии.

В-третьих, «странные люди» так запугали барона, что он заперся в крепости и делал вид, будто ничто на свете его не интересует. Упырь сообщил, что крошечный деревянный замок явно находится на осадном положении — вооруженная стража на стенах, две единственные самодельные катапульты заряжены и готовы к стрельбе, костры и факелы ночью не гасятся.

Конан спросил, что представляют из себя засевшие в Железном лесу злодеи, но внятного ответа не получил. Рэльгонн сказал, что почувствовал довольно сильную охранную магию и не стал преждевременно рисковать. Сначала требуется провести тщательную рекогносцировку и поговорить с бароном Лотаром, который должен знать, что происходит в его владениях. А поскольку терять время нельзя, отряд Гвайнарда обязан отправиться к Соленым озерам незамедлительно.

Переход через Ничто прошел гладко. Двое упырей — сам эрл Рудны и его дядя Ритагонн, прилетевший вслед за Рэлем в Райдор — сначала без каких-либо затруднений перебросили в маленькое приграничное баронство Гвайнарда и всех лошадей, включая незаменимого Малыша (лошадки перенесли путешествие совершенно спокойно), а затем настала очередь Эйнара, Асгерд и Конана вкупе с крайне недовольным присутствием каттаканов Гнедым.

Варвар едва удержал своего скакового монстра за узду, когда к ним подошел Рэльгонн. Сказать, что сартак был взбешен, значит, ничего не сказать — чудище из Мира за Вратами шипело, взрыкивало, щерило зубы и решительно не желало подпускать к себе каттакана. Наконец, терпение Конана лопнуло, киммериец вскочил в седло, а Рэльгонн моментально переместившись в пространстве, оказался сидящим на крупе сартака позади варвара.

Конан знал, что для переноса через Ничто человека или какой-либо вещи упырям обязательно надо держаться за руки или просто касаться переносимого предмета. Едва Рэльгонн схватил варвара за плечи, а ногами сжал бока Гнедого, как перед глазами киммерийца вспыхнула россыпь цветных искр и появилось ощущение падения — перенос состоялся.

Едва Рэльгонн спрыгнул со спины сартака, мерзкая мстительная тварь извернулась и попыталась схватить упыря своими жуткими клыками, но зубы щелкнули в воздухе —

каттакан успел переместиться на безопасное расстояние за долю мгновения до того, как челюсти сартака сомкнулись бы на его шее.

— Как любопытно, — стоявший неподалеку дядюшка Ритагонн растерянно покачивал головой. — Месьор Гвайнард, давайте посчитаем, сколько вас всего? Четверо охотников, четыре лошади и сартак. Всего девять, верно?

— Не понимаю, о чем речь? — насторожился Гвай. — Что-то не так?

— Видите ли, мы с Рэлем уверены, что перенесли через Ничто не девять, а одиннадцать живых существ, — сказал упырь. — Одиннадцать, понимаете? Мы всегда чувствуем, как перемещается в пространстве живая плоть, это данное от природы врожденное умение каттаканов… Спрашивается, где еще двое и кто они такие? А самое главное, где они? И почему получилось так, что я и Рэль их не заметили, тем не менее, перебросив из Райдора в Лотар?

— Чепуха какая-то, — Гвай почесал в затылке. — Быть не может! Вы ничего не перепутали?

— Исключено! — отрекся Рэльгонн. — Гвай, подумай сам, ты же точно знаешь, сколько у тебя пальцев на руках? Пойми, такое знание для нас столь же естественно, как для тебя дыхание или ходьба! Никакой ошибки!

Ломать голову над этой загадкой было бессмысленно, тем более что сейчас перед охотниками стояли куда более важные задачи. Рэльгонн затеплил принесенный из Рудны фонарик в виде шара размером с человеческий кулак, светивший ровным бело-голубым светом, взял палочку и начал чертить на песке некое подобие карты:

— Смотрите внимательно… Вот здесь находится замок барона. Кромка леса тянется с Восхода на Закат. Чтобы отыскать своих, вам придется ехать до огромного оврага, расположенного примерно в трех с половиной лигах от этого места, затем надо будет свернуть в чащу. Граница магического поля проходит по самой опушке, но это не боевая магия, а именно охранительная, нечто вроде невидимого шнурка, на конце которого привязан колокольчик, дающий знать хозяину, что появились гости. Скорее всего, вас встретят… Примерно через стадий вы обнаружите большую поляну и речку, на берегу которой стоит полуразрушенная каменная мельница. Вот там и содержатся обездвиженные немедийцы. Охрана — два человека. Это все, что мы успели разведать. Мой вам совет — до наступления следующей ночи в лес не суйтесь, после заката мы сможем вам помочь или прикроем отступление.

— Разберемся, — ввернул Гвайнард свое любимое слово. — Спасибо, Рэль. Кстати, кажется, вам пора домой, светает…

Восходная сторона неба начала окрашиваться в золотисто-оранжевые тона, лучи возрождающегося солнца подсветили нависшие над горизонтом облака.

— Итак, до встречи, — кивнул упырь. — Как только стемнеет — ждите!

Каттаканы исчезли, словно их и не было — прыгнули сквозь Ничто в свой замок стоящий в Граскаальских предгорьях.

— Поехали к крепости, — вздохнул Конан. — Надеюсь, при свете нас не нашпигуют стрелами.

Вскоре выяснилось, что барон Лотар и его подданные устроились в этой глуши весьма основательно. Высокая стена, сложенная из добротных бревен окружала небольшой поселок, укрепление было возведено по всем правилам фортификации, с угловыми и надвратной башнями и даже рвом. Дерево было обмазано глиной, чтобы возможные недруги не могли

поджечь крепость огненными стрелами, башни защищались дощатыми навесами. Словом, это был классический форт, какие возводят в порубежных областях аквилонские или немедийские военные.

— Кто таковы? — не успели охотники приблизиться к барбикену, как последовал грозный окрик. Конан нахмурился, увидев на башне изготовившихся к стрельбе лучников. — Куда направляетесь?

— Мы из гильдии Ночной Стражи, — проорал в ответ Гвай. — Приехали в Лотар по приказу Совета Хранителей! Надо встретиться с господином бароном!

— Бумага есть? — настороженно осведомились сверху. Тотчас к ногам лошадей упало привязанное к длинной веревке кожаное ведро. — Без надлежащего пергамента — не впустим!

Гвай спешился, вынул из сумки «золотой лист» герцога Райдорского, и положил в ведро. Не меньше полуквадранса блюстители изучали пышный документ с яркими печатями, а затем надсадно заскрипели петли окованных железом ворот.

Появились туземцы — заросшие бородищами до глаз детинушки в кольчугах, при щитах и с копьями. Предводительствовал высокий пожилой дядька — из-под полумаски нордхеймского шлема-гёрмунда выглядывала седая, аккуратно постриженная борода.

— Охотники, значит? — протянул седой, возвращая Гваю пергамент. — Тю! Четверо! Что, у Гильдии иных сил не нашлось! Где пять десятков не управились, сгинув в колдовском лесу, там четверо и подавно не совладают…

— Это, смотря с какой стороны глянуть, — отозвался Гвайнард, а Конан морщил лоб, соображая, где он мог раньше слышать голос обладателя асирского шлема. Лишь когда командир стражи обнажил голову, показывая охотникам, что не видит в них опасности, варвара озарило:

— Ордо! — восторженно заорал киммериец, бросаясь вперед. — Одноглазый Ордо! Сколько лет не виделись!

Старик и впрямь оказался одноглазым — правая глазница была перевязана черной тряпицей.

— Быть того не может! — ошарашенно сказал седой, оглядывая варвара. — Конан Канах из Киммерии! Как живой! Мы были уверены, что ты сложил голову на Побережье…

— Живой, живой! — вопил киммериец, обнимая одноглазого. — Вот и поверишь в судьбу, что ведет таких мерзавцев, как мы с тобой по одной дороге!

Конан повернулся к недоумевающим охотникам и пояснил:

— Мы с Ордо когда-то славно почудили на немедийских стежках-дорожках! Я же рассказывал про Карелу Ястреба? Ну, та рыжая девица с ветром в голове!

— А-а… — понимающе протянул Гвай, припомнив байки Конана о его приключениях в отряде лихих контрабандистов, которым командовала весьма юная и решительная особа по имени Карела. — Вот и замечательно! Очень хорошо, что в Лотаре у тебя есть друзья!

— В Ночные Стражи подался, старый разбойник? — добродушно гудел Одноглазый Ордо, провожая охотников в крепость. Конан только улыбался и кивал. — Сиречь, решил заняться благородным ремеслом? Риск, конечно изрядный, воевать с ночными чудами — это тебе не лотос через перевалы Немедийских гор в Шамар переправлять… Одно могу сказать точно: влип ты, киммериец. Обеими ногами. И отлепиться у тебя и твоих друзей никак не получится. У нас тут такое деется, что волосы дыбом встают!

Попутно Ордо сообщил, что его милость барон Лотар по причине раннего утра изволят

почивать, а потому лучше пойти в дом Пузатого Хэма — это что-то вроде местной таверны. Добряк Хэм с женой привечает всех приехавших в Лотар гостей или новых поселенцев, а для здешних обитателей варит отличное темное пиво, которое продает по вполне терпимой цене. Если хочешь отдохнуть, поболтать с друзьями, заключить торговую сделку или поиграть в кости — иди к Пузану; он примет, накормит, напоит и возьмет за все не больше двух серебряшек…

Хозяин необычного дома и впрямь оказался устрашающе толст — Конан даже подумал, что этот гигантский человечище и ходить-то может с трудом. Но ничего подобного — Пузатый Хэм порхал по вместительной гостевой комнате своего бревенчатого жилища с тяжеловесной грацией дарфарского гиппопотама, умудряясь при этом не задевать расставленные в живописном беспорядке столы и лавки, предназначенные для гостей.

Стоило Ордо подмигнуть хозяину своим единственным глазом, как великовозрастные дочки толстяка притащили с кухни холодный кабаний окорок, шпигованный чесноком, политые растопленным маслом горячие пшеничные лепешки, вареную репу с крупной солью и, конечно же, свежайшее черное пиво с ароматом можжевельника. Завтрак не самый роскошный, но вполне приличный даже по меркам таких крупных городов как Пайрогия или Чарнина.

— Все началось полгода назад, — неспешно повествовал Ордо, не забывая отхлебывать из огромной глиняной кружки. Пышные усы старикана украсились бахромой желтоватой пены. — Я-то поселился в Лотаре давненько, после того как немедийская гвардия разогнала наш отряд после смерти Карелы, Конан должен помнить…

Железный лес всегда имел недобрую славу, но с прошлой зимы началось сущее бесовство.

— А почему лес называется «Железным»? — спросил киммериец.

— Деревья тут странные… — ответил Ордо. — Словно бы неживое соединилось с живым. Дерево из пущи не горит, его очень тяжело рубить топором, в стволах часто встречаются железные прожилки, листья серебристые. И, кроме того, лес славен своими чудовищами. Раньше они появлялись редко, но теперь невиданные твари стадами шастают… По счастью, большая их часть безобидна.

— Какие именно твари? — скрупулезно уточнил Гвай.

Ордо описал около десятка разновидностей самых невероятных животных, появлявшихся в окрестностях крепости, но охотники только головами качали. Считается, что гильдия Ночной Стражи знает обо всех монстрах, обитающих в пределах зримого мира, Хранители даже составляют специальные «бестиарии», куда заносятся любые сообщения о необычных тварях, но прежде не было никаких известий о «деревянной саблезубой белке» или «синей русалке с медвежьей головой».

— Белка? — развел руками Гвай. — Деревянная? С клыками как у тигра? Ордо, такого не бывает! Это я тебе как Ночной Страж говорю!

— Вполне себе бывает, — уверенно сказал старый приятель Конана. — Мне врать незачем… Сам понимаю, что звучит сие весьма глупо, однако это правда. Тело покрыто вроде бы мхом, похожим на зеленую шерсть. Если рубанешь по такому зверю мечом или топором, окажется, что внутри такая вот белочка состоит не из мяса и костей, а из всамделишного дерева. На бук похоже. И прыгает, как настоящая… Ладно, забудем про невиданных чуд, давайте о главном.

— А что у нас «главное»? — осведомился Эйнар. — Надо думать, это явно не дивные

твари, о которых ты нам сейчас рассказывал, а нечто посерьезнее?

— Ты прав, — сдвинул брови Ордо. — В начале минувшей зимы поселился в нашем городишке странноватый человек. Приехал не на лошади, а на настоящем верблюде и попросил у его милости барона убежища. По его словам, на родине за ним охотились власти — совершил что-то нехорошее…

* * *

История, рассказанная Одноглазым Ордо, звучала до крайности подозрительно — у Конана даже появилось нехорошее ощущение, что тут не обошлось без вмешательства кой-каких старых знакомцев киммерийца из Птейона.

Итак, перед самым праздником Йуле в Лотар прибыл весьма оригинальный тип, назвавшийся тогда месьором Иотефом из Шема. За то, что он действительно происходит родом с Полудня, говорили темные глаза, густой загар и крючковатый нос, но внимательный Ордо, подвизавшийся у господина барона начальником стражи поселка сразу отметил несколько несуразностей.

Во-первых, каждому известно, что обитатели Шема традиционно носят бороды и длинные волосы до плеч. Месьор Иотеф наоборот, оказался гладко выбрит, а волосы на голове были очень короткими, будто он совсем недавно начал их отращивать.

Во-вторых, шемиты являются весьма благочестивым народом, чтящим богов, а Иотеф за первые же дни пребывания в Лотаре показал полное безразличие к любым обрядам, он даже не заглядывал в единственную на весь поселок митрианскую часовню, где жречествовал беглый аквилонский монах.

В-третьих, поселившийся в маленьком флигеле принадлежащего семейству гуртовщиков дома шемит, оказался человеком нелюдимым и необщительным — частенько уходил в лес, пропадал там по несколько дней, а когда возвращался в Лотар, вновь запирался в своей каморке.

Подозревали, что Иотеф балуется колдовством, но доказательств не было. Со временем его сочли или чудаком, или тихим безумцем и оставили в покое — вредоносности Иотеф не проявлял, золото у него не переводилось и шемит исправно платил за жилье и скромную пищу, а что человеку нравится гулять по лесам — так это его личное дело, к другим жителям крошечного баронства касательства не имеющее.

По весне Железный лес вновь начал порождать самых необычных чудовищ, разбредавшихся по округе и пугавших окрестных хуторян. Почему именно весной? То никому не ведомо, но точно известно, что каждый год, по окончанию холодов и вплоть до середины лета, загадочная чащоба исторгает из своих недр изрядное количество невиданных монстров. Причем всегда разных, двух подряд одинаковых зверюг доселе никто не встречал.

Иотеф начал уходить в лес гораздо чаще. Люди удивлялись — как он не боится? Но шемит всегда возвращался со своих прогулок целым и невредимым. И это несмотря на то, что в ближайшей округе начали появляться весьма опасные твари: похожее на смесь медведя и ящерицы чудище разорвало в клочья двух рыбаков, ставивших сети на реке…

Тогда же барон Лотар решил просить помощи у гильдии Ночной Стражи и отправил

гонца с письмом Совету Хранителей в Бельверус. Хранители незамедлительно объединили в один большой отряд несколько ватаг охотников, работавших в Полуночной и Закатной Немедии, и отправили его к Соленым Озерам.

Прекрасно вооруженный и обученный отряд прибыл в Лотар одиннадцать дней назад, но непосредственно перед приездом охотников произошли весьма неожиданные события…

Незадолго до заката, месьор Иотеф вновь собрал котомку, молча раскланялся со стражей у ворот, и отбыл в сторону Железного леса, провожаемый мрачноватыми взглядами караульных. Ордо тогда подумал, что странный шемит исчезнет, как и обычно, на сутки-двое, но все вышло прямо наоборот.

Когда солнце зашло за горизонт и привыкшие рано ложиться обитатели Лотара, собирались отходить ко сну, караул крепости поднял тревогу. Причину легкой паники, охватившей стражу, могли увидеть все желающие: не столь уж и далеко от крепости в затянутое тучами небо бил столб ярко-голубого холодного огня, подкрашивавший облака и изливавший на Железный лес пульсирующее недоброе пламя. Многие заметили, что стало ощутимо прохладнее — вечер был теплый, а теперь вдруг изо ртов людей повалил пар, а на стенах домов внезапно появилась легкая изморось.

Ордо, как человек с изрядным жизненным опытом, сразу понял — в лесу кто-то использовал сильнейшую черную магию, о чем и было доложено господину барону. Лотар сначала не поверил — в округе спокон веку не слыхивали о черных колдунах, а чудеса Железного леса наверняка были вызваны к жизни чем-то иным: в страшноватых зверюгах, порождаемых чащей, не было магии, они являлись всего лишь животными, хоть и крайне необычными.

Тем не менее, барон незамедлительно распорядился удвоить караулы, а своим подданным вооружиться. Ясно, что с арбалетом или охотничьим ножом супротив могучего колдовства не попрешь, но так было спокойнее для всех.

Синеватое пламя полыхало почти всю ночь, угаснув лишь к утру. Когда взошло солнце и развеяло людские страхи, барон Лотар и Ордо решили собрать конную дружину и проверить, что же произошло в пуще — они полагали, что при свете золотого Ока Митры черная магия (если некто действительно применял таковую) окажется бессильной.

«Гвардейцы», как гордо именовал Лотар шайку вооруженных бородатых охламонов, руководимых Одноглазым Ордо, в составе двадцати пяти мечей и десятка арбалетчиков прибыли на опушку Железного леса около полудня и, как немедленно выяснилось, их там уже ждали.

Лотар и его верный командир стражи сразу поняли, что дело нечисто. У края леса, спокойно наблюдая за баронской дружиной, стояли двенадцать всадников. Девятеро на вороных конях и трое — на здоровенных верблюдах черной масти. Согласитесь, что появление верблюдов редкой иранистанской породы на самой Полуночи Немедии, почти у рубежей Пограничного королевства, уже само по себе есть дело невиданное, а уж о таких всадниках и говорить нечего…

Выстроившиеся полукругом и прикрывавшие троицу обладателей верблюдов девять незнакомцев были облачены в просторные черные балахоны с золотым кантом по рукавам и опять же черные тюрбаны. Лица до самых глаз прикрывал ниспадающий с тюрбана шелковый шарф. Оружия, тем не менее, заметно не было, никаких тебе сабель, мечей или кинжалов.

А вот трое «главных» (Ордо ни мгновения не сомневался, что именно они командовали

отрядом чужаков) смотрелись так, будто захолустное баронство одновременно посетили великие короли Аквилонии, Немедии и Зингары. Очень высоки и широки в плечах, бритые головы украшены золотыми кольцами в виде изящных змеек, на хламидах лучшей черной парчи вышиты незнакомые символы. На вооруженную до зубов ораву, надменные господа поглядывали безразлично, без всякого страха.

Барон Лотар, впрочем, не растерялся. Приказав дружинным остановиться, он подъехал к всадникам и осведомился, кто они такие и что делают в пределах его владений. Ему ответили, причем его милость с удивлением узнал в одном из троих величественных всадников тихоню Иотефа (пригрели змею на груди!).

Лже-шемит настоятельно посоветовал барону и его людям на протяжении двух ближайших седмиц не приближаться к железному лесу. В этом случае никто не пострадает. Ни сам Иотеф, ни его достойные друзья не собираются причинять неприятностей или неудобств обитателям Лотара, но интересоваться, что неожиданные гости баронства делают в чаще решительно не стоит — последствия, как говорится, за свой счет. Спустя четырнадцать дней Иотеф вместе со всеми прочими покинет Лотар и никогда сюда не вернется.

Более того, Иотеф может дать слово, что Железный лес станет безопасен для человека и впредь никто не услышит о порождаемых им чудовищах. Если угодно, Иотеф может уплатить барону Лотару виру за беспокойство — тут был предъявлен весьма внушительный кошель, доверху набитый золотом.

Не прояви его милость истинно немедийского дворянского упрямства и окажись столь выгодная сделка заключена, Гваю и его верным соратникам не пришлось бы покидать Райдор. Однако, барон счел речи Иотефа едва ли не покушением на свои права суверена и заявил, что пока достопочтенные месьоры не соизволят объяснить, что им понадобилось в Вольном Баронстве Лотар, ни о каких договорах и речи быть не может?

Может быть, они ищут клад? В таком случае барон требует причитающуюся по закону десятую часть… Если же дорогие гости собираются учинить некое колдовское действо, связанное с использованием черной магии — пускай они убираются подобру-поздорову, ибо поклонение Тьме запрещено во всех землях Заката, начиная от Аквилонии, и заканчивая маленьким, но гордым баронством Лотар.

Троица на верблюдах выслушала необдуманные слова его милости с достойной восхищения бесстрастностью, а потом попросту развернула своих черных зверюг и медленно направила в глубину леса. Чужаки в тюрбанах, наоборот, пустили своих вороных коней медленным шагом, явно пытаясь оттеснить баронскую дружину.

И тут его милость сдуру приказал атаковать незнакомцев. Разве могут девятеро невооруженных всадников противостоять трем десяткам воинов, держащим в руках клинки едва ли не с пеленок?

Далее начался сущий кошмар. Выпущенные арбалетчиками стальные болты растворились в белесой вспышке, земля под ногами лошадей вздыбилась, из камней вырвался огонь… Троих дружинных разорвало огненными шариками, сорвавшимися с пальцев чужаков, еще полдесятка оказались серьезно обожжены. Отряд начал беспорядочное отступление, и весьма вовремя — потери могли оказаться слишком серьезными.

Лотар, однако, не успокоился. Вернувшись в крепость, он выдумал новый план: перестрелять явившихся в его владения мерзавцев по одному, благо в городке хватало охотников способных попасть ночью в глаз белке. Решили устроить несколько засад и

уничтожить чужаков как можно быстрее: было совершенно ясно, что в баронство заявился отряд магов, преследующий некие неясные и, скорее всего, нехорошие цели.

Из двенадцати отправленных в Железный лес лучников вернулись лишь трое, причем все оказались ранены — охотники сами превратились в добычу и были перебиты колдунами. Стало ясно, что голыми руками чужаков не возьмешь, слишком серьезный противник.

На следующий день из Немедии прибыл большой отряд Ночной Стражи, и все обитатели крепости вздохнули с облегчением — эти сорвиголовы, привычные к непрестанной борьбе со Злом в самых разнообразных его обличьях уж точно избавят Лотар от неожиданной напасти!

Однако, человек предполагает, а судьба располагает. Стражи, едва передохнув, отправили в лес разведку. Трое лазутчиков не вернулись ни к вечеру, ни назавтра. Комтур Рульф (звание комтура, то есть командира объединенного отряда, давалось Хранителями гильдии самым опытным и уважаемым Стражам) принял решение, как следует подготовиться к сражению и атаковать злодеев на рассвете.

Ночные Стражи ушли в Железный лес и не вернулись. Ни один человек. А вскоре к воротам Лотара приехали все девять чужаков на конях и устроили показательный спектакль — поджигали дома и тут же сбивали пламя заклинаниями, вызывали ужасающих призраков, насылали мороки… Когда люди оказались достаточно запуганы их жутковатыми фокусами, один из чужаков прокричал на ломаном немедийском языке, что если барон и его люди не оставят пришлецов в покое, от крепости останутся одни головешки, живописно усеянные обгоревшими костями. Всем все ясно?

Лотар понял, что столкнулся с силой, которую оборотъ невозможно, мимолетно посожалел о том, что сразу не договорился с колдунами и объявил осадное положение.

Спустя несколько еще несколько дней в баронство приехал Гвайнард со своей ватагой.

Вот и вся история. Что на это скажете, господа охотники?

* * *

— Стигийцы, — уверенно сказал Конан, едва Ордо закончил свое повествование. — Я с ними сталкивался, поэтому могу говорить более-менее уверенно. Не помнишь, у троих «главных» какие рисунки были на балахонах?

Одноглазый плеснул на доски стола пива и начертил на влажном дереве треугольник с заключенным в нем Оком, окруженным свернувшейся в кольцо коброй.

Лицо Конана вытянулось.

— Это и впрямь серьезно, — обескуражено сказал киммериец. — Я-то сначала подумал, что вы столкнулись с самодеятельностью одного из многочисленных магических кланов Луксура или Назирии, но… В общем, это ребята из Черного Круга.

— Черный Круг? — едва не хором переспросили Стражи и Ордо. — То есть как — Черный Круг?

Варвар понял, что почувствовали его друзья. Этот магический конклав слыл наиболее могучей магической организацией Хайборийского мира, а равно наиболее закрытой — никто из посторонних не знал, каковы замыслы и цели конклава, уже много лет бессменно

руководимого знаменитым Тот-Амоном, сыном Мин-Кау. Не то чтобы Черный Круг был чересчур уж зловреден — вечно приписываемых магам Тьмы стремлений к «мировому господству» за конклавом отмечено не было, Круг мало интересовался политикой и торговлей. Поговаривали, будто колдуны Птейона решили найти или создать самостоятельно некий «Высший Разум», но люди разумные и хоть немного знакомые с магическим искусством утверждали, что такая цель недостижима для человека. В любом случае, вся деятельность Черного конклава с самого момента его создания была окутана непроницаемой завесой тайны.

Во время приключений с Белит на караке «Тигрица» Конан ухитрился выяснить, что Черный Краг интересуют прежде всего древнейшие артефакты, причем не столько кхарийские или валузийские, сколько принадлежащие эпохе Роты-Всадника, когда основы тварного мира только закладывались и его законы еще не были окончательно установлены. Варвар подозревал, что овладение тайнами далекого прошлого может обеспечить Черному Кругу прорыв в новые, неизвестные людям области магии, но это оставалось лишь догадкой — Конан плохо разбирался в магии и недолюбливал все, что с ней связано.

— Да, Черный Круг, — подтвердил киммериец. — Девятеро колдунов в тюрбанах, без сомнений, являются боевыми магами высокой ступени посвящения. Иначе на рукавах балахонов не было бы золотого шиться. Ордо был прав, посчитав их охраной трех «главных». А вот последние — исключительно опасные господа. Если ты, Одноглазый, ничего не перепутал и правильно нарисовал вышитый на их одежде знак, то все они входят в Высший Совет Птейона.

— Можно подробнее? — попросил Гвай.

— Можно, — кивнул варвар. — В свое время мне приходилось общаться с этой братией, и я не скажу, что у меня остались хорошие впечатления от наших встреч… В Совет, иначе именуемый «Кольцом Сета» входят девять магов, включая главу конклава, Тот-Амона Птейонского. Ордо, скажи, среди магов, которых ты видел, не было высоченного человека с большой бородавкой на носу и шрамом на левой щеке? Выглядит лет так на пятьдесят, хотя на самом деле он гораздо старше…

— Нет, — покачал головой Одноглазый. — Все трое помоложе, лица гладкие. Только у одного когда-то была рассечена бровь, небольшой такой шрамчик, вертикально пересекающий надбровье… У нашего Иотефа вообще никаких особенных примет не было, человек как человек, только загар черный, полуденный.

— Ясно, — Конан побарабанил пальцами по столу. — Вертикальный шрам, говоришь?.. Не уверен, но это может быть Тот-ан-Хотеп из Назирии, человек крайне опасный и очень умный, однако договориться с ним можно… Лет шесть тому нам пришлось действовать вместе против Призраков Янтарной Гробницы, Тот-ан-Хотеп вынужден был заключить союз с пиратами — магия помочь не могла, потребовались заурядные мечи. Если это он, тогда у нас появляется шанс…

— Конан, я все больше начинаю беспокоиться за твое прошлое, — усмехнулся Гвай. — Может, ты нам не все рассказываешь? В жизни не поверю, что ты мог якшаться с магами Черного Круга!

— Жизнь заставила, — пожал плечами варвар. — Я вот тоже сначала никак не мог поверить, что Ночные Стражи возьмут в союзники упыря. И, тем не менее, мы отлично сработались с Рэльгонном.

— Какого такого упыря? — насторожился Ордо, но киммериец решительно оборвал

старого знакомца:

— У меня есть вполне разумное предложение: поспать до полудня, время еще раннее, а этой ночью мы совсем не отдыхали. В любом случае, силы нам потребуются.

— Согласен, — Гвай тихонько зевнул, прикрыв рот ладонью. — Ордо, сможешь нас разместить?

— В комнатах или на сеновале?

— Лучше на сеновале, воздух свежее, да и спиться там лучше. Эйнар, а ты пока займешься лошадьми и поклажей!

— Опять? — взвыл броллайхэн. — Да сколько можно! Я вам не мальчик на побегушках!

— Тебе ведь нужно чем-то занимать время своего бессмертия? — с ласковой улыбкой очковой змеи пропела Асгерд. — Эйнар, у тебя впереди тысячелетия, а человек живет коротко.

— Но это ничуть вас не оправдывает, — обиженно пробурчал Эйнар и с недовольным видом пошел на двор. — Вот и попробуй получить удовольствие от вечной жизни в компании двуногих обезьян-однодневок! Тьфу!

Глава третья

Варвар проснулся от непонятного шума — ему показалось, будто на сеновал пробрался какой-то небольшой зверек наподобие кошки или хорька. Только где вы видели говорящую кошку, вот вопрос?

Конан притворился спящим и начал потихоньку оглядывать пышный стог сухой травы из-под полуприкрытых век. Рядом посапывал Гвай, возле предводителя ватаги свернулась в калачик укрытая плащом Асгерд. Эйнара доселе где-то носило — неужели он доселе не смог управиться с поклажей? Нет, ничего подобного — вещи охотников были аккуратно сложены в углу. Наверное, Эйнар опять зацепился языком или хлещет пиво в компании Одноглазого Ордо…

На сеновале кто-то разговаривал. Не человек, это было ясно как день. Голосок тонкий, скрипучий, очень тихий. Наречие было Конану неизвестно, но, судя по звучанию, оно слегка походило на язык гномов Кезанкии или Граскааля — слишком много цокающих и шипящих звуков.

Почти сразу выяснилось, что болтунов как минимум двое — в ответ на едва слышный говорок раздалось пакостное хихиканье, которое киммериец сразу же узнал: именно так смеялась неизвестная мелкая тварь в райдорском лесу. Так-так, вот и искомые «попутчики», приведшие в замешательство каттаканов после прыжка через Ничто. Те самые — десятый и одиннадцатый! Гнусные пакостники, которые, однако, умеют отлично прятаться!

«Да кто же они такие? — думал киммериец, тщетно пытаясь различить в полумраке сеновала силуэты таинственных весельчаков (твари, совершенно не стесняясь, хихикали все громче, будто отмочили некую исключительно забавную шутку). — Ясно, что это не домашняя нечисть и не животные. Данхан, лесные карлики? Исключено, они никогда не подходят близко к человеку, боятся! Сейчас быстро вскочу на ноги и застану их врасплох — хотя бы посмотрю, как эти твари выглядят…»

Планы Конана с грохотом рухнули. Широкая дверь сеновала распахнулась, в помещение хлынул поток солнечного света, а в проеме образовался Эйнар.

— Поднимайтесь, бездельники! Нас ждут великие дела! — возгласил броллайхэн. Хихиканье моментом стихло, а Конан успел заметить краем глаза, как две крошечных тени метнулись к дальней стене и словно бы растворились в воздухе. Так или иначе, твари не превосходят размером кролика, одно это радует.

— Вот бестолочь, — сплюнул Конан и недовольно посмотрел на Эйнара. — Спугнул!

— Что спугнул, — не понял броллайхэн. — Твой сладкий сон?

Киммериец объяснил. Проснувшийся Гвай выслушал его объяснения с недоумением и только головой покачал:

— Значит, речь похожа на гномью? И в тоже время эти неизвестные существа очень маленькие? Решительно ничего не понимаю! Они не подходят ни под одно известное Ночной Страже описание… Впрочем, ты даже не смог как следует рассмотреть их. А, да чего гадать! Рано или поздно мы их поймаем, а сейчас других забот полон рот. Конан, ответь, ты авантюрист по натуре?

— Еще какой! — фыркнул варвар и для пущей убедительности стукнул себя кулаком в грудь. — Таких авантюристов как я, доселе свет не видывал! А что?

— Понимаешь ли, — задумчиво сказал Гвайнард, — есть у меня одна задумка.

Известно, что наглость частенько выигрывает у холодного расчета. Предложение такое: поехали в Железный лес. Прямо сейчас, только умоемся и перекусим. Причем поедем мы вдвоем. Я хочу вызвать стигийцев на переговоры от имени Совета Хранителей Ночной Стражи.

— Сдурел? — вытаращился Конан. — Я всегда знал, что с головушкой ты не дружишь, что чтоб такое… Это же чистое самоубийство! В отряде Рульфа было сорок шесть клинков! И где они теперь, как говаривал один мой знакомый шемит?

— На заброшенной мельнице, — невинным тоном ответил Гвай. — И Рульфа надо оттуда вытаскивать. Любой ценой. Если боишься — возьму с собой Асгерд.

— Вот сейчас дам по морде, сразу узнаешь, кто и кого тут боится! — пригрозил варвар. — Едем! Но разум мне подсказывает, что эта авантюра будет последней… ребятки из Черного Круга с врагом не церемонятся, уж поверь, я достаточно на них насмотрелся в прежние времена.

— А кто сказал, что мы для стигийцев — враги? — вздернул брови Гвайнард. — Я же сказал: переговоры! Полномочия от Хранителей у нас есть, все пергаменты с собой… Насколько я знаю, даже колдуны Черного Круга чтят неписаные правила этикета, принятого между магическими конклавами и нашей гильдией, в конце концов, Ночная Стража некогда помогала стигийцам извести монстров, расплодившихся возле пирамид Птейона. Кроме того, там может оказаться твой старый знакомец — ты же сам сказал, будто с этим… Как его?.. Тот-ан-Хотепом можно договориться?

— Ладно, уломал демон языкастый, — вздохнул Конан. — Но все равно мне эта затея не по нутру!

Договорились так: если Конан и Гвай не вернутся к закату, Асгерд с Эйнаром дожидаются появления каттаканов, объясняют им сложившуюся ситуацию, а затем упыри наверняка придумают, как освободить командира отряда и киммерийца из лап колдунов. Если конечно, будет что освобождать — стигийцы могут запросто превратить обоих Стражей в кучки пепла задолго до того, как объявится Рэльгонн со своими зубастыми родственничками.

Одного охотники не заметили: к бахроме, украшавшей мягкие сапоги Гвайнарда кто-то привязал маленькую золотую побрякушку, формой напоминающую голову змеи и украшенную кхарийскими иероглифами…

* * *

Выехали налегке, не взяв с собой никаких вещей из обширного охотничьего арсенала. Гвай вообще хотел поехать без оружия, но варвар немедленно взбунтовался, заявив, что последние двадцать лет без клинка он даже в нужник не ходит. А тут, простите, стигийцы, да не простые, а весьма и весьма опасные!

— Вот интересно, чем поможет меч, если колдун Черного Круга захочет превратить некоего не в меру разговорчивого киммерийца в жабу? — поинтересовался Гвай, и получил ответ в том смысле, что надо еще посмотреть, кого именно будут превращать и в какую именно тварь — жабу, крысу или скорпиона.

Одноглазый Ордо хотел было навязаться в провожатые, но Гвай старику отказал — не стоило лишний раз раздражать засевших в Железном лесу магов. Если разговор со стигийцами состоится, то пусть уж его ведут Ночные Стражи, без лишних свидетелей. С тем зингарская кобылка Гвайнарда и сартак Конана вышли за ворота крепостишки и направились на Полуночный Закат, к мрачной чащобе.

— Крайне интересно! — воскликнул Гвай, когда всадники подъехали к строю вековых деревьев, чьи вершины поднимались на высоту не менее пятидесяти локтей. — Конан, ты раньше видел что-либо подобное?

— Никогда, — уверенно ответил варвар. — Даже упоминаний о таких чудесах не слыхивал! Как думаешь, что это такое? А главное, почему так случилось?

Здесь было чему удивляться. Вроде бы вполне обычные дубы и вязы отличались от своих собратьев в иных частях света эбеново-черной корой с металлическим отливом, листья были серовато-серебристые, а не зеленые. Киммериец вытянул руку и сорвал с ветви черный желудь, оказавшийся неожиданно тяжелым — такое впечатление, будто он действительно был отлит из металла. Лес вполне справедливо получил наименование «Железного».

— Ага, — многозначительно сказал Гвай. — Ты только посмотри. Видимо, это и есть одно из здешних чудовищ! Только не хватайся за оружие, по-моему, этот зверь безопасен.

На тропинку перед всадниками выскочило животное, название которому затруднился бы подобрать даже остроязычный Эйнар. Скорее всего, изначально это была крупная речная свинка, какие водятся по берегам рек в окрестностях Граскааля — обычно эти грызуны вырастают до размеров собаки и отличаются густым коричневатым мехом с желтыми подпалинами. Но чуда, на которую обратили внимание охотники, напоминала водяную свинку лишь очень отдаленно.

Перво-наперво надо сказать, что тварь оказалась покрыта ярчайшей сине-зеленой чешуей похожей на ящеричью. У обыкновенных свинок хвостик всегда был маленьким и коротким, а тут оказался длиннющим, змеино извивающимся и почему-то с роговым шипом на кончике. Глаза были красные, навыкате, но на всадников невиданный зверь смотрел вполне мирно. Изо рта выглядывал раздвоенный фиолетовый язык.

Чудесная тварюшка, уяснив, что нападать на нее никто не собирается неспешно проследовала к ручью и в полном сообразии с законами принятыми у речных свинок нырнула в воду.

— Дела-а… — протянул Гвай. — Знаешь, такая расцветка чешуи встречается у очень редкого вида ядовитых змей, которых на Полуночи почти полностью истребили. Они называются «голубыми аспидами».

— Но при чем тут водяная свинка? — озадачился Конан.

— Понятия не имею. Поехали!

Как и советовал Ордо, всадники добрались до широченного оврага, рассекавшего лесную опушку, и свернули направо, в чащу. Стало почти темно — ветви деревьев не пропускали солнечный свет, смыкаясь над головами в единый серебристо-черный полог.

— Конан, запомни, ни в коем случае нельзя вести себя агрессивно, — вполголоса втолковывал Гвай. — Мы изображаем из себя… Точнее, представляем из себя посланцев Совета Хранителей! Ни в коем случае не провоцируй стигийцев, и вообще, позволь мне говорить самому.

— А разве ты знаешь стигийский язык? — вопросил Конан и тут же осекся.

Создалось впечатление, что охотники и их скакуны пересекли невидимую черту, некую

границу незнамо кем установленную — сартак, чувствующий чужую магию, аж споткнулся, а варвар и Гвай ощутили дуновение ледяного ветра. По лицам людей словно бы провели холодной кистью…

— Нас обнаружили, — уверенно сказал киммериец. — Значит, надо ждать гостей…

«Гости» не замедлили явиться — на широкой прогалине, будто черные статуи, замерли все девять боевых магов, охранявших колдунов «Кольца Сета». Гвай и Конан натянули поводья, Гнедой свирепо зашипел, учуяв чужаков.

— Кажется, вас предупреждали, — с сильным полуденным акцентом сказал один из магов и угрожающе подал коня вперед. — Вы вынуждаете нас…

Гвай вытянул руку в примирительном жесте и заговорил на стигийском с чистейшим птейонским произношением — Конан, как знаток, оценил его изысканный выговор.

— Мы сожалеем, что нарушили ваше уединение, — начал плести словесные кружева Гвайнард. — Однако, тому имеются веские причины, которые я вправе изложить исключительно магам более высокой ступени посвящения, которые, как нам абсолютно достоверно известно, находятся здесь…

Конан, вопреки настоятельной просьбе Гвая, решил рискнуть:

— Нам необходимо встретиться с достопочтенным Тот-ан-Хотепом из Назирии, — перебил Гвайнарда киммериец и сразу выложил главный козырь: — Мы обязаны передать его милости неотложное послание Хранителей Ночной Стражи…

Стигиец слегка опешил. Откуда в дремучем захолустье появились люди говорящие на священном наречии Птейона? Какое послание? Откуда эти двое варваров знают имя Тот-ан-Хотепа?

Пришлось звать на помощь магию, — последовал мгновенный обмен мыслями с «его милостью», после чего боевой маг растерянно проговорил:

— Достойный Тот-ан-Хотеп согласен переговорить с вами немедленно… Следуйте за нами.

Конан едва сдержался от того, чтобы схватиться за рукоять клинка, когда девятеро магов окружили его и Гвайнарда, но, увидев зверский взгляд командира, подавил искушение. В любом случае прямо сейчас стигийцы не собирались никого убивать, а уж если получится договориться с колдунами «Кольца Сета»… Тогда станут возможны иные, более серьезные комбинации. И все-таки, зачем стигийцы приперлись на Соленые озера? Что они здесь ищут? Сокровища? Золота в Птейоне и так полным полно… Пытаются разгадать тайну Железного леса и изучить его необычные свойства?

Разберемся, как говорит Гвай!

В глубине леса, на берегу быстрой речки обнаружилась та самая полуразрушенная водяная мельница, о которой говорил Рэльгонн. Когда-то это была всем мельницам мельница — громадный каменный куб, нависший над водой, сломанные, но доселе впечатляющий своими размерами лопасти водяных воротов, мощная кладка фундамента, сложенного из гранитных валунов. Судя по всему, Железный лес не всегда являлся источником опасности, и раньше здесь жили люди — вокруг мельницы возвышались ветхие деревянные постройки и Конан отметил, что дерево было самым обычным — никакого сходства с насыщенной металлом древесиной нынешних сосен или дубов.

— Ждать здесь, — приказал предводитель боевых магов, и все девятеро стигийцев поскакали к могучему зданию мельницы.

Охотники спешились и привязали лошадей к покосившейся ограде.

— Ты как ухитрился эдак насобачится в стигийском? — спросил киммериец. — Я когда услышал, чуть с седла не упал!

— Какой ты невнимательный, — улыбнулся Гвайнард. — Я же рассказывал, что в молодости служил в Латеране, это тайная служба Трона Льва. Учили нас оч-чень серьезно! Тихо… Гляди, вот и твой старый приятель!

Охотники так и не поняли, откуда появился статный, отлично сложенный и очень высокий (на два пальца выше длинного Конана) стигиец, облаченный в неизменный черный балахон с золотым шитьем в виде символа Круга Птейона. Как и положено, голова величественного колдуна была начисто выбрита и наверняка умащена втираниями — солнечные зайчики так и прыгали, отражаясь от гладкой кожи…

— Итак? — маг, в котором варвар действительно опознал того самого Тот-ан-Хотепа, остановился перед Ночными Стражами. — Вы хотели меня видеть и передать некое послание. Даже если у вас есть пергамент, подтверждающий ваши полномочия, можете его не предъявлять — я умею различать правду и ложь. Говорите.

Холодный взгляд мага скользнул по Конану, и левая бровь стигийца чуть приподнялась. Надо же, вспомнил!

«Ну, вот и встретились, — подумал киммериец. — Сколько же лет прошло? Шесть с половиной вроде бы? А славно мы тогда почудили, ничего не скажу! И Тот-ан-Хотеп показал себя молодцом! Эх, если бы такой человек был на нашей стороне!..»

Гвай, не раздумывая, сразу взял быка за рога:

— Я представляю гильдию Ночной Стражи и ее Хранителей. Совет Хранителей крайне обеспокоен исчезновением отряда, отправленного в баронство Лотар по просьбе его повелителя. Насколько нам удалось выяснить, наши соратники… э-э… не нашли взаимопонимания с вами, уважаемый Тот-ан-Хотеп. Я и мои друзья прибыли в Лотар для того, чтобы разрешить возникшие затруднения. Надеюсь, ты понимаешь, что если нам не удастся придти к согласию и Гильдия понесет урон, то Совет может предпринять ответные шаги.

Тот-ан-Хотеп молчал. Маг видел, что охотник не лжет — существует достаточно простенькое заклинание, позволяющее сразу определить, насколько правдива речь человека. А, кроме того, стигиец отлично понимал, что ссора с гильдией Ночной Стражи не приведет ни к чему хорошему.

Охотничье братство представляет из себя сильную и сплоченную организацию, которая будет в состоянии отомстить за своих людей даже Черному Кругу. Вдобавок, держащие нейтралитет в вечной войне Света с Тьмой охотники частенько приходят на помощь и владыкам Птейона, поскольку магия не всегда может справиться с тварями, выползающими из глубин Черной бездны — тут опыт и знания Ночной Стражи часто оказываются незаменимы. Вступать в открытый конфликт с Гильдией не следует, что ясно как день!

— Действительно, существующее недоразумение следует как можно быстрее разрешить, — поразмыслив, сказал колдун. — Ваши собратья живы, это первое и главное. Мы никого не хотели убивать, а только защищались от нападения, это второе. Полагаю, вы уже выяснили, что Черный Круг предлагал барону Лотару отступное — мы всего лишь хотели провести в этом лесу некоторые… гм… исследования.

— Какие же? — подал голос Конан. В глазах Тот-ан-Хотепа сверкнула веселая искорка, и он чрезвычайно вежливо ответил варвару:

— Боюсь, это не входит в сферу интересов гильдии Ночной Стражи и ее достойнейших

представителей, друг мой…

«…Что означает вполне доходчивое: не твое собачье дело, — мысленно перевел Конан речи мага на понятный всем и каждому язык. — И он назвал меня «друг мой», а стигийцы словами никогда не разбрасываются просто так. Значит, помнит, что обязан мне за историю с призраками Янтарных Гробниц и спасение своей шкуры… Отлично!»

— Послушай, Тот, давай говорить по-людски, без всякой глупой куртуазии, — заявил Конан. Гвай слегка побледнел от ужаса — знал, что этикет стигийцы весьма почитают и принимают за оскорбление любое неверно сказанное слово. Тем более, что киммериец назвал колдуна только личным именем, не присовокупляя родовое — подобное дозволяется исключительно близким друзьям или родственникам!

Конан, однако, не унимался:

— Надеюсь, тебе не надо объяснять, что отряд Ночной Стражи был призван тутошним барончиком не для охоты на черных магов, а ради изведения расплодившейся в окрестностях Железного леса нечисти? Вы просто подвернулись под руку и вас посчитали виновниками всех безобразий… И этот идиот Лотар масла в огонь подлил! В общем, как ты и сказал — сущее недоразумение.

— Киммериец, ты совсем не изменился за прошедшие годы, — ответил Тот-ан-Хотеп и сбросил с лица непроницаемую маску холодной вежливости. Даже улыбнулся. — Такой же нахал и ветрогон. Я знаю, что ты не любишь Черный Круг, а с моим повелителем Тот-Амоном вы никогда не могли найти общий язык… Но я не Тот-Амон и никогда не забываю добра сделанного мне и моим людям. Пришло время оплатить векселя, не гак ли?

— Пришло, — согласился Конан. — Что вы сделали с отрядом Рульфа?

— Заклинание Вечного Сна, — сразу отозвался Тот-ан-Хотеп. — Человек может спать десятилетиями, состариться и умереть во сне…

— Можешь снять заклятье? Чтобы никто не пострадал?

— Разумеется. Но… Мне нужно еще два дня до послезавтрашнего вечера. За это время мы закончим свою работу, а Иотеф начнет строить портал в Стигию.

— А, так значит, вы прибыли сюда через Червоточину? — Гвай ввернул обиходное название магических порталов, способных связать разные точки Хайбории.

— Верно, — кивнул Тот-ан-Хотеп. — Чтобы настроить канал перехода в Птейон нам потребуются как минимум сутки. Еще половина дня — для завершения наших дел. Конан, не смотри на меня с таким любопытством, я не вправе ничего рассказывать! Затем я разбужу ваших друзей и уйду в Стигию вместе со всеми остальными. Клянусь именем Сета Змеенога, Вечной Тьмой из которой все произошло и тайнами Великих Пирамид — я не обману! Если хотите, на мельнице, где спят Ночные Стражи, может постоянно находиться один наблюдатель. Поймите, охотников слишком много, они могут помешать нам… Поэтому я не могу разбудить их немедля.

Конан поперхнулся. Он был хорошо знаком с обычаями Стигии и сразу понял, что Тот-ан-Хотеп произнес нерушимую клятву — если он ее не выполнит, на мага падет проклятие. Что же такого важного откопали стигийцы в Железном лесу? Ясно, что тут задействованы не только опасения поссориться с Гильдией и ее влиятельными Хранителями, но и некие более серьезные соображения…

— Мы согласны, — ответил Гвай за себя и за Конана, чем вызвал тихое недовольство киммерийца.

Варвар гораздо лучше знал, что в любых словах представителей Черного Круга может

скрываться опасная двусмысленность. И плевать на то, что Тот-ан-Хотеп по отношению к Конану настроен вполне дружелюбно и собирается «оплатить векселя». Маги Черного круга слишком непредсказуемы и ради своих целей готовы пойти на самые неприглядные поступки.

Но Тот-ан-Хотеп поклялся! Поклялся именем Сета, Изначальной Тьмы и Птейоном! Такой клятве можно верить!

— …Я только хочу внести некоторые изменения, — продолжал Гвайнард. — Пусть на мельнице постоянно находятся двое наших соратников. Один из них может оказаться не человеком, но…

— Полагаю, это будет странное существо, очень похожее на… на вампира? — уточнил маг, перебивая. — Позапрошлой ночью эти твари доставили нам много неприятных мгновений, причем я так и не понял, что это за существа — они явно не принадлежат нашему Универсуму… Хорошо, договорились. Условие одно: вы обязуетесь никуда не выходить из здания мельницы, что бы ни случилось.

— Принято, — ответил Гвай. — Конан, как твой старый знакомец, будет дежурить грядущей ночью, а я — на следующую. Когда договор будет выполнен, я немедленно отправлю соколиной почтой письмо в Бельверус, для Совета Хранителей. Надеюсь, на этом все недоразумения между гильдией Ночной Стражи и Черным Кругом будут окончательно исчерпаны.

— Твои слова услышаны… — наклонил голову стигиец. — Я очень рад, что мы смогли понять друг друга.

* * *

Возвращались неспешно, уже ничего и никого не опасаясь. Тот-ан-Хотеп отдал распоряжение боевым магам, охранявшим троих представителей «Кольца Сета», чтобы те незамедлительно пропускали к мельнице Гвая или Конана по первому требованию. Единственно, охотникам было категорически запрещено углубляться в лес и сворачивать с тропинок. В противном случае Тот-ан-Хотеп, по его же словам, «пересмотрит заключенный договор», а это могло означать все, что угодно…

— Очень уж просто все получилось, — качал головой киммериец, слегка подталкивая пятками в бока идущего слишком медленно сартака. — Немыслимо просто!

— По-моему, этому только радоваться нужно, — ответил Гвай. — Видать, наши стигийские друзья откопали в Железном лесу вещицу, ценность которой запредельна. Ради этой штуковины они готовы пойти на любые уступки и заключить любые договоры!

— Ну да, например такой же договор, как с бароном Лотаром, — саркастично сказал Конан. — Запугали бедолагу так, что его милость теперь полгода будет просыпаться от кошмарных снов!

— Ты не путай теплое с мягким, — усмехнулся Гвайнард. — Подумай, кто такой барон Лотар? Да никто! Плюнуть и растереть! Если его городок будет стерт с лица земли, а самого барона торжественно принесут в жертву Сету на каком-нибудь Черном алтаре, ни о нем самом, ни о его людях никто и не вспомнит. А за нашими спинами стоит охотничье братство,

Гильдия! Тот-ан-Хотеп понял, что Хранители знают о случившемся, и если с нами произойдет что-то нехорошее — Черный Круг окажется в неприятном положении.

— И все-таки ты ему соврал, — заметил варвар. — Точнее, это была не совсем ложь: ты всего лишь сказал полуправду. Хранители в Бельверусе знают только о чудовищах, наводнивших окрестности Железного леса, но про магов Черного Круга им ничего не известно.

— Согласен. Но мы рискнули, бросили кости на стол и выбили «трех коней». А Хранителей я извещу о случившемся нынешней же ночью, придется отправлять в Немедйю Рэльгонна или одного из очаровательных родственничков нашего упыря… И потом, Совет Хранителей должен быть оповещен о подозрительной деятельности магов Черного Круга на Полуночи — надеюсь, ты заметил, что они снарядили очень серьезную экспедицию?

— Точно! Сначала в Лотар отправился Иотеф, разведать обстановку и подготовить открытие портала между Железным лесом и Птейоном, а потом сюда нагрянули аж целых девять боевых магов и еще три колдуна высшего посвящения, считая вместе с Иотефом. Исключительно грозная сила — при желании они могут если не остановить, то, по крайней мере, задержать на несколько дней целую армию! Но почему они так заинтересовались тайной Железного леса? Что скрывается в чаще?

— Думаю, мы сумеем выяснить это сегодня же, — брякнул Гвай, вызвав безмерное удивление киммерийца.

— Не уверен, что упыри смогут разведать все, что нас интересует, — сказал Конан. — Тот-ан-Хотеп почувствует их присутствие и сочтет это нарушением договора. А тогда — пиши пропало!

— Разве я говорю о каттаканах? — преспокойно ответил Гвайнард. — У нас есть оружие куда более незаметное и действенное. Эйнар.

— Чего? — ахнул Конан и тут же подумал о том, что Гвай совершенно прав: броллайхэн, Дух Природы, при желании способен творить такие чудеса, что запросто заткнет за пояс сотню каттаканов. Никто не спорит, упыри очень полезны в ситуациях, когда речь идет о борьбе с обычными чудовищами или недоброжелателями-людьми, но если в дело впутана магия, особенно такая, какой владеют самые знающие колдуны Черного Круга, ничего лучше броллайхэн не найдешь! Эйнар способен воплощаться в любое материальное тело, а равно и сбрасывать телесную оболочку в нужный момент, его истинная сущность представляет собой разумный сгусток силы самой природы, он наделен магией Равновесия, способной противостоять заклятиям Тьмы и Света…

В общем, скандалист и бездельник Эйнар в действительности представлял из себя до крайности полезное существо. Жаль только, что врожденная лень не позволяла ему в полной мере использовать способности, данные от рождения. Но это было легко исправимо — броллайхэн следовало заинтересовать предстоящим делом и вот тогда можно быть уверенным в том, что Эйнар не оплошает.

— Хорошая мысль, — согласился Конан. — Но как это осуществить на практике?

— Что-нибудь придумаем…

Одноглазый Ордо приметил охотников издалека — они только подъезжали к крепости. Конана с Гваем выбежала встречать вся стража вкупе со своим командиром, тут же примчались Асгерд с Эйнаром. Собственнолично явился барон Лотар, оказавшийся худощавым молодым человеком с породистым дворянским лицом и взглядом законченного преступника. Видать, недаром ему пришлось бежать из родной Немедии на Полночь.

Всех интересовало только одно: почему Ночные Стражи вернулись так быстро — и трех колоколов не прошло! Гвай заранее приготовил очень похожее на настоящую правду объяснение: мол, с черными магами удалось придти к соглашению, спустя два дня они покинут Лотар и если его милость барон пообещает, что до послезавтра никто стигийцев не побеспокоит, то осложнений не возникнет. Он, Гвай, вместе с почтенным месьором Конаном Канах, готовы выступить гарантами соблюдения данного слова с той и другой стороны.

Его милость согласился — Лотар отлично понимал, что угрозы стигийцев следует принимать всерьез. Затем барон поинтересовался, что произошло с отрядом Рульфа и получил в ответ красивую фразу, услышанную Гваем от Тот-ан-Хотепа — это, знаете ли, не входит в сферу ваших интересов. Лотар нахмурился, но возражать не стал. Конан же только посмеивался про себя.

Затем господа охотники вместе с Одноглазым Ордо (старику Конан доверял как самому себе) собрались на уже знакомом всем сеновале, стоящем во дворе дома Пузана Хэма и Гвайнард изложил все подробности краткого путешествия в Железный лес и возникшие соображения. Выслушивая мысли бессменного командира отряда, Эйнар мрачнел с каждым мгновением.

— Авантюра, — высказался, наконец, броллайхэн. — Это еще хуже, чем ваша прошлая задумка! Что вы мне предлагаете? Отправиться туда одному? Вам известно, что любой, пусть даже слабенький маг, способен ощутить присутствие чужого колдовства? А там засели колдуны, которые способны одолеть не то что Духа Природы, но и демонов Черной Бездны! Я не смогу использовать Алое волшебство Равновесия, даже если очень захочу!

— Тебя никто не просит воевать со стигийцами, — поморщился Гвай. — Попробуй аккуратно разведать, что они делают в лесу, зачем прибыли в Лотар, что ищут.

— Всего-то и делов! — возмутился Эйнар. — Мне следует придти к ним с широкой улыбкой на лице и сказать: «Здравствуйте, можно узнать, что вы тут делаете»? Конечно, они усадят меня за стол, радушно напоят лучшим вином и сразу все расскажут и покажут! А потом попросту выпотрошат!

— Ты не понял, — остановил излияния Эйнара Гвайнард. — Смени воплощение. Тебе, случаем, не надоело так долго носить человеческое тело? Не хочешь какое-то время побыть белочкой? Зайчиком? Птичкой?

— Птичкой! — передразнил броллайхэн предводителя ватаги. — Свиньи вы, а не верные друзья! Лошадей седлать — Эйнар. Выгребную яму чистить — снова Эйнар! Головой рисковать — опять Эйнар!

— Никто тебя уговаривать не собирается, — сурово бросил Гвай. — Тебе напомнить о том, что ты, прежде всего Ночной Страж, а уже потом бессмертный балбес, решивший жить среди людей? Помнишь уложения Гильдии? О чем там говорится?

— Слово командира отряда — закон, — уныло проворчал Эйнар. — Конечно, если это приказ, я подчинюсь.

— Именно, приказ, — отрубил Гвайнард. — И теперь тебе стоит подумать, как его выполнить со всем прилежанием.

— Ненавижу вас всех, — с фальшивой плаксивостью в голосе проныл доблестный соратник. — Асгерд, отвернись… Придется раздеться.

— Интересно, что у тебя есть такого, чего бы я не видела у других мужчин? — не без едкой иронии осведомилась нордхеймская воительница и принципиально не стала отворачиваться. Эйнар тем временем снимал безрукавку, верхнюю и нижнюю рубаху, штаны

и сапоги. Оставшись совершенно голым, броллайхэн процедил:

— Сами напросились. Но учтите, за последствия я не отвечаю!

Внезапно человеческий силуэт размылся, замещаясь плотным белесым туманом — Эйнар сбрасывал человеческое тело, будто надоевшую одежду. Затем клубок тумана сжался в небольшой шар, по которому пробегали тонкие розовые искорки и начал замещаться новой формой воплощения.

— Здорово! — воскликнул Ордо. — Раньше о таком я только слышал, но не верил россказням!

— Пообщаешься с нами подольше, еще и не в такое уверуешь, — фыркнул Конан. — Не обращая внимания, это так, мелкие фокусы. На самом деле с Эйнаром лучше не связываться, сила в нем заключена огромная…

Перед Одноглазым Ордо и охотниками сидела белка. Обычная рыжая белка. Единственно, крупноватая — размером с небольшого кота британийской породы.

— Вполне разумно, — с интересом глядя на Эйнара, сказал Гвай. — Передвигаться можно куда быстрее, чем любое другое животное, да и стигийцы не заметят, как ты пересечешь границу охранного пояса. Уверен, их магия способна предупредить только о появлении человека или другого крупного существа… Ну что ж, отправляйся.

Белка недовольно чирикнула, с присущей только этим зверькам ловкостью забралась на поддерживающий потолок сеновала столб, оттуда перескочила на поперечную балку, сиганула в отдушину под крышей и была такова.

— Сколько лет на этом свете живу, а все не перестаю удивляться его чудесам, — философски проговорил Ордо. — Пойдемте-ка в дом Пузатого Хэма, обед давно должен быть готов…

Выходя на двор, Конан резко обернулся. Варвару показалось, будто на сеновале снова кто-то хихикает.

— Чего встал? — подтолкнула киммерийца Асгерд. — Идем. Ордо пообещал жареных куропаток и настоящее шемское вино, нарочно приберегаемое для дорогих гостей!

Варвар еще раз с подозрением осмотрел сеновал, прикрыл дверь и зашагал к высокому крыльцу гостеприимного обиталища толстяка Хэма.

* * *

Начало смеркаться. Побагровевший солнечный диск начал спускаться к далекой полосе Немедийских гор, отделяющих центральную часть материка от обширных земель Аквилонского королевства. Эйнар не возвращался.

— Пора отправляться, — решительно сказал Конан, когда на восходной стороне неба появились первые звезды. — Хочу приехать к мельнице, пока совсем не стемнело. Когда появится Рэльгонн, немедленно отсылайте его ко мне. Не хочется целую ночь сидеть в компании стигийских колдунов и чудищ Железного леса! С Рэлеем можно хоть в кости поиграть, только он жульничает…

На всякий случай варвара снарядили так, будто он направлялся в самое логовище Черного Круга для того, чтобы похитить магическое кольцо Тот-Амона или выкрасть из

сокровищницы Птейона самые могучие артефакты. Пришлось взять с собой изрядное количество хитрых снадобий Ночной Стражи, полдесятка самых необходимых амулетов, позволяющих человеку свободно действовать ночью и способных отпугнуть нечистую силу, оружие и, разумеется, провизию из расчета на двоих человек. Запас, как известно, карман не тянет.

Конан въехал под мрачный полого Железного леса, когда закат уже догорал. Если на открытом пространстве еще синели предночные сумерки, то в лесу было темно, будто в склепе и полагаться приходилось исключительно на прекрасное ночное зрение Гнедого, самостоятельно выбиравшего дорогу.

Очень скоро киммерийца окликнули — его встречал один из боевых магов, на тюрбане которого сияла бледным голубоватым светом брошь с крупным светящимся алмазом. Опять магические штучки! Впрочем, удивляться ту нечему — для стигийца магия является столь же естественной, как для любого другого человека ночной сон или пища, они не представляют себе жизни без волшебства.

Всадник жестом приказал варвару следовать за ним и вскоре они оказались возле каменного куба заброшенной мельницы. Поскольку она стояла на берегу и вдали от деревьев, здесь было относительно светло.

— Лошадь привязать, сидеть в доме, — с ужасающим акцентом сказал варвару маг. — Никуда не ходить. Когда придет второй — проверю.

— Как скажешь, — подал плечами Конан, набросил поводья сартака на старинную коновязь возле дома, забрал мешок с вещами и вошел в каменное здание, с твердым расчетом забраться на чердак и попытаться оттуда рассмотреть, что будет происходить вокруг — вдруг получится узнать нечто важное? На Эйнара в любом случае надежды никакой — обязательно что-нибудь забудет или перепутает!

Кто-то заботливо зажег внутри мельницы несколько факелов, воткнутых в проржавевшие кольца. Конан запнулся и раскрыл рот от удивления.

Все охотники из отряда Рульфа действительно были здесь. Стигийцы проделали большую работу, перетащив сюда погруженных в колдовской сон людей, разоружив их и аккуратнейшим образом сложив снаряжение Ночной Стражи в дальнем углу — меч к мечу, арбалет к арбалету — идеальный порядок!

Варвар присел возле одного из охотников и пощупал его шею. Кожа теплая, дышит очень слабо, сердце бьется раза в три реже, чем у обычного человека. Живы, это главное — могли ведь и погибнуть…

Взяв один из факелов и взобравшись по ветхой деревянной лестнице на второй этаж, Конан спугнул нескольких летучих мышей, обитавших на чердаке, и принялся устраиваться возле отдушины, из которой открывался отличный обзор на поляну, и изгиб речушки. Расстелил плащ, извлек из объемистого кожаного мешка свертки с провизией и бурдючок с вином, деревянную коробку со снадобьями и оберегами поставил поближе к узкому окну, чтобы всегда была под рукой. Теперь оставалось ждать явления Рэльгонна или кого-то из его семьи.

— Что за бесовство? — киммериец встрепенулся в который уже раз расслышав навязчивый звук — тоненькие злорадные смешки, точно такие же, как утром и днем на сеновале Пузатого Хэма. — Я что с ума схожу?

Заново перепроверил все вещи — ничего! Никаких признаков присутствия посторонних, будто человек, зверь или некое неведомое существо с пакостным характером и дурными

привычками. На всякий случай Конан убрал запас пищи повыше — на подгнившую поперечную балку, мало ли что? Очень не хочется повторения истории с котелком…

Дом, ясное дело, охраняли снаружи — в стремительно сгущающейся тьме Конан успел рассмотреть три фигуры стигийцев, неспешно прогуливающихся вокруг дома. Нет никаких сомнений в том, что рядом с мельницей в самом здании натянуты магические «ничточки», которые дадут знать магам о любых передвижениях киммерийца. А вздумай он нарушить соглашение и вылезти наружу, неприятностей не миновать.

— Приветствую достойнейшего Конана Канах, — варвар вздрогнул от неожиданности, когда за спиной послышался ровный голос упыря. — Готов составить тебе компанию до грядущего утра, а чтобы нам не скучать…

Рэльгонн усмехнулся, потряс извлеченным из складок балахона мешочком, в котором брякали игровые кости. Проклятущий кровосос отлично знал, что киммериец падок на азартные игры и считает их одним из самых лучших развлечений.

— Гвай мне все рассказал, — упырь уселся рядом с Конаном и с любопытством выглянул в окно. — Очень жаль, что нам запрещено выходить наружу, но это дело поправимое.

— Даже не думай об этом! — воскликнул варвар, полагая, что Рэльгонн все-таки собирается провести разведку с помощью прыжков через Ничто. — Мы с Гваем дали слово, что будем сидеть в мельнице и носа отсюда не высовывать! Пойми, речь идет не только о нашей собственной безопасности! Мы отвечаем за жизни еще сорока шести человек!

— Разве я утверждаю обратное? — удивился Рэльгонн. — Наблюдать за происходящим можно и другими способами… Вот, смотри!

Оказывается, упырь притащил с собой большой черный ящик из неизвестного Конану материала — прочного, но очень легкого. А когда Рэльгонн щелкнул замочками и поднял крышку, варвар лишь рот раскрыл.

Охотники отлично знали, что каттаканы привезли из своего мира довольно большое количество различных приспособлений, позволивших им выжить в негостеприимном человеческом Универсуме — на своей далекой родине, отстоящей от Сферы Хайбории на тысячи тысяч лиг, упыри умели делать самые невероятные механизмы. Но такою хитрую штуковину Конан видел впервые.

На обратной стороне крышки располагалось большое овальное зеркало, а в самом ящике лежало множество металлических цилиндров размером с палец, к каждому из которых было прикреплено словно бы по паре прозрачных стрекозиных крылышек.

Здесь же оказалась небольшая выдвижная дощечка, на которой мерцали зеленоватым светом сложные иероглифы — Конан уже знал, что это буквы каттаканов.

— Держи, — Рэльгонн перебросил варвару несколько цилиндров. — Расставь во всех отдушинах ведущих наружу, на лестнице и на подоконниках. Остальные я заброшу на крышу…

Когда дело было сделано, упырь пробежался кончиками длинных пальцев по дощечке с иероглифами, зеркало залилось ровной изумрудной краской, а сам ящик начал жужжать, будто пчелиный улей.

— Скоро это замечательное приспособление определит, сколько живых существ находится в округе двух лиг от мельницы и что они делают, — удовлетворено пояснил каттакан. — Только не спрашивай, как оно работает, все равно не смогу объяснить!

— А ты попробуй.

— Ох, и въедливый же ты, Конан! Ладно… Тебе известно, что человек или зверь излучает тепло?

— Конечно!

— Так вот, цилиндры улавливают это тепло и направляют его в… коробку, которая затем может показать в зеркале изображение человека, причем находящегося довольно далеко. Еще цилиндры могут различать движение, звуки, даже запахи! Очень сложная вещица, но в определенных ситуациях совершенно незаменимая!

И тут Конана озарило. Мысль показалась вполне разумной и своевременной, и он поинтересовался:

— Слушай, а эта коробка способна проверить, сколько живых существ находится здесь, в этом доме? Любых — больших, маленьких?

— Конечно, — кивнул упырь. — Только зачем это тебе?

— Надо!

— Раз надо, значит надо, — покладисто согласился Рэльгонн и вновь коснулся мерцающих в полутьме иероглифов. — Вот гляди… Синими линиями нарисован силуэт здания. Ярко-голубые точки показывают, где стоят детект… в общем, цилиндры. А сейчас мы проверим, сколько нас всего.

Ухоженный ноготь каттакана коснулся большого значка, напоминающего двух переплетшихся змей и в нижней части зеркала вспыхнули зеленые буквы.

— Существ, похожих по весу и размеру на тебя или меня — сорок восемь, — перевел упырь. — Как и должно быть: сорок шесть охотников Рульфа и нас двое. А это еще что такое?.. Смотри, смотри!

Контуры людей и упыря зеркало показывало розовым, точно таким же цветом оказались выделены две точки, быстро передвигавшиеся по чердаку к одному из цилиндров, установленных у самого дальнего окна.

— Мыши? — бормотал Рэльгонн. — Нет, быть не может, слишком крупные для мышей! Ну-ка, увеличим… Ах вы, маленькие мерзавцы! Я-то гадал, что за напасть на нас свалилась! Конан, жди здесь!

Упырь растворился в воздухе — прыгнул через Ничто. А дальше у киммерийца в глазах зарябило: единственный факел давал достаточно света, чтобы разглядеть, как Рэльгонн на мгновение появляется то возле окна, то у выхода на лестницу, то у полуночной стены и вновь исчезает — каттакана совершил не меньше пятнадцати перемещений.

Слух варвара попутно различал некие посторонние звуки, напоминающие тоненький перепуганный визг.

В тот момент, когда Рэльгонн вынырнул из пустоты прямо перед варваром, по лестнице прогрохотали сапоги, и в покосившемся дверном проеме показался один из стигийцев-охранников. Взгляд у него был встревоженный.

— Что здесь происходит? — осведомился маг, а упырь быстро спрятал за спину обе руки.

— Э-э… — даже каттакан не нашелся с ответом. — Мы…

Конан брякнул первое, что пришло на язык:

— Играем в прятки!

— Ну-ну… Смотрите, не доиграйтесь.

Маг, недовольно покачав головой, ушел вниз. Киммериец воззрился на упыря:

— Что это было? Ты за кем охотился?

— За ними! Невероятно проворны, но я все-таки быстрее!

С этими словами Рэльгонн предъявил варвару двух диковинных существ, которых крепко держал за шкирки.

— Прошу любить и жаловать, — провозгласил упырь. — Лет триста таких не видел вживую! Самые натуральные джерманлы!

— Кто? — киммериец едва не поперхнулся собственной слюной. — Их же не бывает! Это сказки!

— Сказки? Никаких сказок, прими угрюмую реальность такой, какая она есть! Нам всем еще крупно повезло, что удалось вовремя их поймать! Посмотри в моем ящике, там должны быть мешочки из материала, похожего на очень мягкую прозрачную слюду… Нашел? Отлично! Теперь давай поместим наших маленьких друзей внутрь, и оставим до утра — пусть подумают о смысле своей бессмысленной жизни. Потом отвезешь их Гваю, ему будет интересно посмотреть.

Твари бешено сопротивлялись, пытались кусаться, но совместными усилиями Конана и Рэльгонна все-таки были водворены в мешки, горловины которых упырь затянул металлическими скобами.

— Не задохнутся? — озабоченно спросил Конан, когда оба малыша оказались в заточении.

— Материал пропускает воздух, — уверенно ответил Рэльгонн. — Ничего с ними не сделается! Главное — не упустить, потом не поймаем. Все, забудь на время об этих уродцах, давай заниматься делом! Даже если Эйнар не сможет ничего разведать, полагаю что мы соберем достаточно сведений о том, что делают в железном лесу твои стигийские друзья.

— Они мне не друзья!

— Какая разница?..

Глава четвертая

— Совершенно невероятная история! Немыслимо и непостижимо! Отказываюсь верить!

Столь эмоциональные высказывания Эйнара имели под собой серьезные основания. Причем настолько серьезные, что вся компания охотников предпочла забраться в обширный и холодный погреб Пузатого Хэма (сюда не проникало ни единого луча дневного света, довольствовались четырьмя масляными лампами) и срочно вызвать из Рудны Рэльгонна, поутру отправившегося на отдых в свой отдаленный замок. Как и следовало ожидать, упырь появился незамедлительно.

— …Давайте объединим все полученный минувшей ночью сведения и попытаемся нарисовать относительно ясную картину случившегося, — руководство спешным совещанием, само собой, взял на себя умный каттакан. — Поскольку утром мне не удалось дождаться Эйнара, я хотел бы выслушать не бессвязные восклицания, а подробный и обстоятельный рассказ. Итак?

— Подробный и обстоятельный? — плаксиво завел броллайхэн. — А это ты видишь, вурдалак проклятый? Что теперь делать?

Конан зажал рот ладонью — понимал, что громкий смех окончательно выведет из себя ранимого Эйнара. Дело в том, что воплотившийся обратно в человеческой тело, Дух Природы в данный момент мог похвастаться неприличествующим людям роскошным беличьим хвостом, каковой и был продемонстрирован всем желающим — до крайности расстроенный Эйнар распустил тесемки на полосатых нордхеймских штанах и, повернувшись к зрителям кормовой частью, предъявил новообретенную часть тела.

— М-да, — кашлянул Рэльгонн, осмотрев пушистый рыжий хвост, который, как и положено, по законам природы, рос из копчика Эйнара. — Оденься, пожалуйста, здесь все-таки женщина…

Может быть, тебе стоит сбросить человеческое воплощение и заново попробовать вернуть себе нормальное обличье?

— Пробовал, не получается! — едва не плача, отозвался броллайхэн. — Стыдобища!

— Неразрешимых проблем не существует, — сказал упырь. — Рано или поздно мы найдем способ, как тебе избавиться от этой… этого ненужного украшения. А теперь рассказывай, и вспоминай любые детали! Даже самые незначительные!

Эйнар, всхлипывая, рассказал. Как и следовало ожидать, охранная магия стигийцев не обратила внимания колдунов на появившуюся в Железном лесу белку, каковая прошмыгнула мимо старой мельницы и благополучно очутилась на соседней поляне, где и трудился Тотан-Хотеп вместе с двумя другими магами высшего посвящения.

Что они там делали? Не поверите! Наиболее мудрые колдуны Черного Круга вовсю махали лопатами, будто обычные поденщики! Яма, выкопанная ими за минувшие дни, уже достигала десяти локтей в глубину, так что вылезать из нее приходилось по наспех сколоченной лестнице. Всем магия хороша, но ее не заставишь копать, пилить или класть кирпичи. Посему, даже если самому могучему волшебнику захочется выкопать горшок с золотом или банальный корешок мандрагоры, ему придется взять в руки соответствующий инструмент и работать руками. В крайнем случае — приказать выполнить все необходимое рабам или нанять рабочих. А если судить по объему работы, проделанной стигийцами, в земле находилось нечто столь ценное, что маги «Кольца Сета» наплевали на свое

достоинство и решили извлечь эту вещь самостоятельно, не привлекая к работам посторонних…

Эйнар, засевшим на толстой ветке стоящего рядом с поляной дерева, наблюдал за стигийцами вплоть до вечера, когда стало ясно, что маги выкапывают некий округлый предмет, размером с небольшой бочонок. Земля была сырая, сфера до самого последнего момента была покрыта липкой грязью, но броллайхэн чувствовал, как от шара исходят невероятные по своей мощи волны чистого волшебства.

— Понимаете, если бы эта сфера принадлежала Свету или Тьме, она могла бы запросто уничтожить мою сущность, — втолковывал Эйнар притихшим охотникам и Рэльгонну. — Но шар исторгал магию Равновесия, мощь природы, к которой я принадлежу. Более того, это была изначальная магия, великая сила эпохи Сотворения… Сила самой жизни!

— Жизни? — задумавшись, упырь пожевал бескровными узкими губами. — Слушайте, я, кажется, понял, о чем идет речь! Понял! Восемь с половиной тысяч лет назад, когда каттаканы застряли в этом мире, великие артефакты Роты Всадника, знаменитая Великая Цепь и Венец еще действовали! Девять самых великих магических предметов, когда либо созданных под этим солнцем!..

— Ты это о чем? — насторожился Гвайнард.

— Я же рассказывал вам! Цепь Сотворения, из Трех и Семи сфер! Никто не знает, кто ее создал, но Рота в древнейшие времена смог отчасти подчинить камни себе, и потому они связаны с его именем… Но он был только владельцем Цепи, не создателем и не повелителем! В Семь камней была заключена сила стихий, из которых образовался мир. Огонь, воздух, земля, вода, мир зверей, мир растений, мир разумных рас. Эти камни поддерживали равновесие вселенной, и Рота спрятал их так, что камни безуспешно искали вплоть до нынешнего времени. Ни одного так и не нашли, кстати… Точнее, нашли — один камень, скрытый в Железном лесу… Далее: три Великих камня, связывали сферы стихий в единое кольцо и даровали владельцу силу Познания, Сотворения и Жизни. Постойте-ка…

Белая кожа Рэльгонна побледнела до такой степени, что он стал казаться синим. Жуткое зрелище.

— Я ошибаюсь, — проронил упырь. — Черный Круг обнаружил не один из камней Радуги, а Третий из Великих. Сфера Жизни… Сфера, способная соединять живое с неживым!

— Но при чем тут хвост Эйнара? — невпопад спросил Конан.

— Помолчи, варвар! — взъярился упырь. — Теперь мне ясно, какая магия действовала в Железном лесу! Хотите спросить, почему столь необычны тамошние деревья? Да очень просто! Под окрестными холмами скрыты огромные залежи железной и медной руды, это известно со времен правления немедийского короля Рагнара IV! Одно время здесь были копи, рудники, но потом обнаружились более близкие к Бельверусу рудные жилы в Немедийских горах и люди отсюда ушли… Под воздействием Сферы Жизни дерево впитывает металл, живая плоть объединяется с мертвой материей!

— А чудовища? — спросила Асгерд.

— Ничего сложного! Приведу чисто умозрительный пример: допустим, некая девица из Лотара пошла на реку купаться и случайно утонула. Для Сферы Жизни смерть в любых ее проявлениях нестерпима и она пытается вернуть существование всему мертвому. Рядом с утопленницей проплывает рыба, магия действует как на мертвое тело, так и на рыбу, объединяя их — получается русалка! Понимаете? Синяя водяная свинка, которую Гвай и

Конан видели вчера, могла быть укушена змеей-аспидом и точно так же воссоединилась в одном теле со своим убийцей! И так далее — комбинации бесконечны!

— Теперь все ясно, — кивнул Гвайнард. — На нашем материке достаточно загадок, и Железный лес, который был пронизан идущей из глубин земли магией Сферы, был лишь одной из них. Черный Круг всегда интересовался необычными явлениями и вот, в прошлом году дошла очередь до Железного леса. Стигийцы посылают сюда мага, который обязан разведать, что именно происходит, а когда ситуация стала относительно ясна, в Лотар отправился большой отряд, который был обязан найти артефакт и доставить его в Птейон! Тут случайно вмешалась Ночная Стража и стигийцы были вынуждены лавировать — им не хочется с нами ссориться, но и секрет требуется соблюсти в полной мере. Когда мы с Конаном выставили свои условия, Тот-ан-Хотеп заключил договор, тем не менее, оставив в заложниках отряд Рульфа.

— Что же это получается? — подал голос Конан. — Завтра они переправят Сферу в Стигию и будут таковы? Вам не кажется, что отдавать в руки Черному Кругу такое мощное оружие — чревато? Тот-ан-Хотеп, конечно, приличный человек, но он трудится только во благо Круга, главой которого является Тот-Амон. А его никак не заподозришь в любви к ближнему и дальнему своему! Знаю что это за тип, сталкивался…

Гвай только руками развел.

— А что мы можем сделать? — обескуражено вопросил он. — Пойти в лес и вежливо попросить закопать артефакт обратно? Отобрать силой? Уничтожить всех магов и тем самым не оставить свидетелей? Допустим, при очень большом желании это у нас получится, но кто снимет заклятье сна с Рульфа и его людей?

— Можно я скажу? — попросил Рэльгонн. На безобразной физиономии упыря появилась гнуснейшая улыбочка, будто у злодея из балаганного представления. — Конан, Гвай, мы совершенно позабыли о том, что в наших руках находится весьма необычное, но сокрушительное и беспощадное оружие!

— Это какое же? — не понял Конан.

— Наши маленькие мерзавчики! Джерманлы! Если правильно их использовать, в Птейоне скоро произойдут весьма знаменательные события, а магам Черного Круга придется выкинуть Сферу Жизни в океан. Причем, желательно, подальше от берега! Конан, сбегай наверх, принеси мешки, в которых мы засунули джерманлов. Настало время поговорить с ними по душам!

Гвай, слушая упыря, лишь сокрушенно покачивал головой — видать, подумал, что Рэльгонн сошел с ума на старости лет. Все-таки по человеческим меркам каттакан был очень и очень стар — восемь с половиной тысяч лет, это тебе не шутка!

А вот киммериец, прошлой ночью успевший наслушаться от каттакана множество любопытнейших историй об этих древних и невероятно оригинальных созданиях, моментально понял всю блистательность и изящность необычного замысла упыря.

Если все действительно получится, некий Тот-Амон и его дружки огребутся таким количеством самых разнообразных и очень неожиданных трудностей, что даже нападение на Стигию объединенных армий Аквилонии, Немедии, Зингары, Аргоса и Турана покажется Черному Кругу детской забавой!

— Сейчас притащу! — киммериец вскочил на ноги и рванул к лестнице, ведущей к выходу из погреба, уставленного бочонками с вином и кадушками, заполненными солониной и разнообразными вареньями-солениями, что припас на черный день Пузатый Хэм.

— Только осторожнее! — рявкнул в ответ Рэльгонн. — Не упусти! И ради всех богов, закрывай двери! Ты де знаешь, что я не переношу солнечный свет!

Упырь повернулся к остальным охотникам и увидел сразу три пары очень заинтересованных глаз. Гвай, Асгерд и Эйнар ждали внятных и обстоятельных объяснений.

— Гвайнард, ты ведь слышал легенды о джерманлах? — спросил Рэльгонн. — По крайней мере, в бестиариях вашей Гильдии отыщутся о них сведения?

— Разумеется, — кивнул командир охотничьей ватаги. — Но ведь они или вымерли, или… Или просто являются мифическими существами!

— Вот сейчас киммериец принесет сюда этих самых «мифических существ», и ты посмотришь, как близко друг от друга стоят правда и легенда… Давным-давно мы, каттаканы, частенько сталкивались с этой забавной расой. Не слышали, что они состоят в отдаленном родстве с гномами-двергами? Тогда, я поведаю вам некоторые подробности об интересных особенностях и привычках джерманлов…

* * *

Джерманлы родственны не только двергам, но и данхан — крошечным лесным карликам, наделенным определенными магическими способностями. Однако, по части магии и врожденного владения волшебством, джерманлы оставляют своих отдаленных сородичей далеко позади. Да только магия у них весьма и весьма специфическая.

Как, когда и при каких обстоятельствах раса карликов появилась на свет, то никому не ведомо, вероятнее всего они ведут родословие со времен Всадника Полуночи, Роты, когда на земле существовали многие сотни разновидностей разумных тварей, не имеющих никакого касательства к человеческому племени, тогда еще совсем юного. Но и тогда эти существа были крайне немногочисленны.

Обитали джерманлы в горах, чаще всего, облюбовывая старые выработки гномов. На поверхности появлялись редко, предпочитая уютный мрак подземелий полному опасностей и недоброжелателей открытому миру. Но если уж хоть один джерманл оказывался в крупном, населенном людьми городе, следовало ожидать самых невероятных сюрпризов. А поймать такую тварь практически невозможно — они отлично умеют отводить глаза, прятаться и очень быстро бегать. Не окажись прошлой ночью рядом с Конаном каттакана — охотники никогда не сумели бы изловить своих обидчиков.

— По сути, джерманлы не владеют волшебством в привычном для нас смысле данного слова, — неторопливо повествовал Рэльгонн. — Они не могут превратить свинец в золото, использовать боевые или защитные заклинания, воздействовать на людей или природу. Подозреваю, что они даже не понимают смысла слова «заклинание». Природа магической силы этих малышей совершенно иная и, вероятно, принадлежит к стихии Хаоса.

— Объясни человеческим языком, что они способны делать? — сказала Асгерд. — Пока что кроме мелких пакостей мы ничего от джерманлов не видели! И, в конце концов, почему они привязались к нашей ватаге? Что плохого мы им сделали?

— Я тоже не делал им ничего дурного, мрачно ответил упырь. — И, тем не менее, несколько столетий назад у нас в Рудне завелось несколько этих уродцев, видимо пришли из

Кензакийских гор по заброшенным подземным тоннелям, связывающим наш замок со старыми шахтами. Человек или гном пройти не смогли — время не пощадило старые галереи, многие из них обвалились. Но крошечному джерманлу не составит труда протиснуться в любую щель, особенно если в доме, который они решили посетить хранится столько вкусного…

— Они что же, воровали у вас еду? — заинтересовался Гвай.

— Слово «вкусное» я употребил в качестве метафоры, — Рэльгонн поморщился, словно у него зуб заболел. — Помните, я упомянул, что эти твари привержены Хаосу? Так вот, их любимое, занятие — ломать и разрушать. А особенно — портить магические предметы!

— То есть, как? — не поняла Асгерд. — Не представляю себе, как, например, можно сломать волшебное кольцо, в которое волшебники вкладывают часть своей силы! Расплавить, что ли?

— Нет, все куда хитрее… Благодаря своим способностям, джерманлы способны частично изменять действие заклинаний, вложенных в артефакты. Сущность заклятия остается неизменной — то есть, если некий магический жезл, предназначен для превращения кошек в собак и наоборот, то он и будет это делать даже после того, как над ним поработают эти шутники. Одна беда: превращение или не будет завершено, или в результате получится, например, розовая кошка размером с быка или собака величиной с кузнечика, да еще она будет мяукать, а не лаять.

— Вот теперь я понял, — закивал Гвайнард. — Возьмем хотя бы историю с амулетом, отпугивающим морских змеев. Мы же говорили о том, что общие свойства не изменились, амулет воздействовал именно на змей, но не отпугивал, а приманивал, и змеи были не морские а вполне сухопутные… И, что же, джерманлы способны влиять на действия любых артефактов? Каких угодно? И сильных, и слабых?

— Скорее всего, да, — ответил Рэльгонн. — Знаете, почему они пришли в ваш дом? У вас хранится большое количество амулетов, оберегов и прочих магических приспособлений. А волшебство эти поганцы чувствуют за сотню лиг! Ваше счастье, что они не остались в доме надолго — вы лишились бы всей своей коллекции артефактов! Конечно, они продолжали бы действовать, но совершенно по-другому!

— А зачем они увязались за нами? — удивился Эйнар.

— Откуда мне знать? — пожал плечами Рэльгонн. — Может быть, просто спрятались среди ваших вещей, заснули, — а потом выяснилось, что господа охотники отправились в поход и теперь невозможно вернуться назад. Но не признать того, что прятались они великолепно, я не могу!

Наверху грохнула тяжелая дверь, и в погреб спустился киммериец, державший в руках два полупрозрачных мешочка, в которых шевелились маленькие твари, размером с подрастающих котят.

— Дай-ка мне, — вытянул руку упырь. — Попробуем допросить одного из наших уродцев…

Рэльгонн снял стальную скобу с одного из мешков и аккуратно извлек наружу яростно шипящую тварюшку, взиравшую на своего мучителя злыми темно-желтыми глазками.

По ближайшему рассмотрению оказалось, что назвать джерманла симпатичным существом никак нельзя. Строение тела походило на человеческое — две руки, две ноги, голова, но в остальном сие порождение Хаоса более всего, напоминает детеныша лесного гоблина. Тело с буровато-коричневой бугристой кожей покрывали пучки жестких волос,

голова словно приплюснута, рот широченный, буквально «до ушей». Крошечные, очень острые зубки, носик пятачком, широкие треугольные уши… Словом, пакостное зрелище.

— Они вполне разумны и могут знать человеческий язык, — пояснил Рэльгонн, аккуратно держа джерманла за короткую шею и решительно пресекая все попытки существа вырваться из цепких пальцев упыря путем несильных, но обидных щелчков по покатому морщинистому носу. — Ну, дружок, побеседуем?

Последний вопрос уже был обращен к джермалу. В ответ раздался целый водопад звуков, которые ни единый из охотников не мог бы назвать членораздельной речью. Тварь пищала, цокала, взвизгивала, но только не говорила.

Упырь, однако, не растерялся. Он подумал и завел разговор на странном наречии, которое Конан опознал не без труда: так разговаривали горные уруки-гоблины, еще водившиеся в Кезанкии. Как ни странно — подействовало! Заслышав знакомую речь, джерманл слегка успокоился и начал отвечать, но было заметно, что он по-прежнему крайне недоволен обществом людей и уважаемого пожилого вампира.

— Ну и дела… — вздохнул Рэльгонн после того, как они с джерманлом полных два квадранса несли, чудовищную тарабарщину, непонятную никому из охотников. — Не знаю, смеяться или плакать… Если бы кто рассказал мне такую история, никогда бы не поверил!

— Что он сказал? — подался вперед Гвай.

— Подожди, сейчас засуну его обратно в мешок… Вот, готово! Хотите верьте, хотите нет, но это — супружеская пара!

— В смысле… э… самка и самец?

— Можно сказать и так, если вам будет понятнее, — фыркнул Рэльгонн и залился мелким смехом. — У них, если угодно, медовый месяц. Вот и решили вволюшку побезобразничать. Их действительно приманили хранящиеся у вас дома артефакты, тут я был совершенно прав. Все мелкие розыгрыши вроде перековки тяжеловоза, исчезновения сапог и испорченного ужина — их работа! Они так развлекаются, считают, что это очень весело.

— Вот сейчас положу этого весельчака на одну ладонь, а другой прихлопну! — пригрозил киммериец, показав увесистый кулак. — И не помотрю, что они редкие и вымирающие, а у женушки этого урода может быть скоро родятся очаровательные лопоухие детишки!

— Скажите спасибо, что их волосатые ручонки не дотянулись до действительно ценных артефактов, — остановил кровожадные речи варвара упырь. — Подумаешь, сломали несколько никому не нужных амулетов!

— А заодно утащили мои сапоги и нагадили в котелок! — припомнил варвар недавние обиды.

— Оставь, — отмахнулся Рэльгонн. — Вот что я вам скажу, друзья… У нас появился отличный шанс безнаказанно отплатить Черному Кругу за доставленное беспокойство фактически той же монетой. Конан, кажется уже догадался, о чем я говорю — только посмотрите на его довольную физиономию!

Варвар, пытаясь не расхохотаться в голос, закашлялся. Он-то отлично понимал, о чем идет речь.

— Митра Всеблагой… — выдохнул Гвай, до которого начал доходить смысл замысла Рэльгонна. — Ты хочешь, чтобы эти… джерманлы «сломали» Сферу Жизни?

— Зачем же только Сферу? — невинно поинтересовался упырь. — Я пообещаю джерманлам, что отпущу их. А заодно настоятельно посоветую внимательно присмотреться

к неким месьорам, орудующим в близлежащем лесу… Вам не кажется, что в кладовых Птейона наших ушастых малюток ожидает настоящее пиршество?

— Ты просто монстр! — с притворным ужасом воскликнул Конан. — Да если джерманлы появятся в Птейоне, через десять дней Тот-Амон повесится на ближайшей пальме! Вместе со всем своим конклавом! Они там такого натворят, что подумать страшно! Великие Пирамиды доверху набиты самыми невероятными артефактами! Я уж не беру личную сокровищницу Тот-Амона, на которую мне однажды удалось взглянуть краем глаза!

— А если у джерманлов хватит ума спрятаться так, чтобы маги не смогли найти их убежища, и у них действительно народятся детишки, лет через десять-пятнадцать от Черного Круга останутся одни воспоминания, — ехидно хихикнул Рэльгонн. — Я отлично понимаю, что мы задумали ужасающее паскудство, последствия могут быть самыми непредсказуемыми, но, во-первых, Стигия далеко и нас это никоим образом не заденет, а во-вторых, кто здесь испытывает нежные чувства к Черному Кругу?

— Это примерно то же самое, что подбросить пару хорьков в курятник, — сказала Асгерд. — Решено, так и сделаем. Только как переправить джерманлов в Железный лес?

— Позвольте, я этим займусь, — сказал Конан. — Так или иначе, следующей ночью надо снова дежурить на мельнице, а утром проверить, как Тот-ан-Хотеп выполнит свою часть договора. Он ведь обещал разбудить Рульфа и его отряд!

— Хорошо, действуй, — согласился Гвай. — Рэльгонн, доставай джерманлов и рассказывай им, что надо делать! Распиши во всех красотах, как много вкусного ждет их в Стигии!

— Постараюсь, — улыбнулся упырь, показав все свои зубы. — Только учтите, эти твари не привыкли исполнять обещания, за ними придется следить в оба глаза!

* * *

Отоспавшись днем, Конан перед самым закатом снова отправился на старую мельницу. Но теперь в лесу его встречал не боевой маг, а лично Тот-ан-Хотеп, восседавший на огромном черном верблюде.

— Приветствую месьора Конана Канах из Киммерии — как всегда учтиво поздоровался колдун. Варвара кольнуло нехорошее предчувствие — неужели стигиец что-то заподозрил? Только этого еще не хватало!

Сартак киммерийца смотрел на надменного двугорбого верблюда без всякого доброжелательства, но Конан заставил Гнедого идти рядом с невиданным на Полуночи зверем нога в ногу.

— Чем больше тебя знаю, тем больше удивляюсь, — сказал варвару Тот-ан-Хотеп. — У тебя и раньше были интересные друзья, но теперь я не знаю, что и думать…

— Ты это о чем? — стараясь сохранять спокойствие, спросил Конан.

— Начнем с твоего скакуна, — колдун указал на Гнедого. — Я твердо знаю, что в Хайбории такие звери не водятся, значит эта… гм… лошадь появилась на свет либо в результате магического опыта, либо вывезена из другого мира. Можно поинтересоваться, где ты раздобыл это чудовище?

— Купил на рынке в Чарнине, — ответил варвар чистую правду: сартак и впрямь был куплен у не самого добросовестного торговца лошадьми несколько седмиц назад. — Выложил кучу денег!

— Что характерно, ты не врешь, — покачал головой Тот-ан-Хотеп. Он явно проверял каждое слово киммерийца различающим ложь заклинанием. — Хорошо, забудем про Гнедого. Но как ты умудрился подружиться с вампирами? Черный Круг давно интересуется загадкой обитающих в Райдоре каттаканов, но нам никогда не удавалось даже близко подойти к ответами на вопросы, которые ставит их существование в нашем мире! Каттаканов не должно быть здесь, понимаешь? Это нарушение мирового порядка, установленного при Сотворении Мира!

— Который, как известно, был сотворен из Великой Тьмы? — поддел Конан стигийца, но тот не обратил на ёрничество варвара никакого внимания.

— Каттаканы могут быть опасны только потому, что они — чужаки! — воскликнул Тот-ан-Хо-теп. — Прошлой ночью я наблюдал за вами, равно как и вы наблюдали за мной — удовольствие было взаимным…

«Какая неприятность, — подумал Конан. — Значит, он понял, что мы следили за колдунами при помощи волшебного зеркала Рэльгонна! И теперь сочтет это нарушением договора!»

Тот-ан-Хотеп, будто читая мысли Конана, сказал:

— Не беспокойся, я не думаю, что вы нарушили соглашение. В нем говорилось только о том, что тебе и твоему другу нельзя покидать мельницу. Вы ее и не покидали, верно? Но предпочли присматривать за нами с помощью некоего предмета, сущность которого для меня неясна. Это не магия, разумеется, однако зеркало было способно видеть все происходящее на большом расстоянии. Если не магия — то, что же?

— Механизм, — ответил киммериец. — Каттаканы привезли его с собой из другого мира. Только не спрашивай, как он устроен. Подозреваю, что куда сложнее мельницы или катапульты.

— Значит, механизм… — задумчиво проронил колдун. — Добавим сюда невероятные способности каттаканов перемещаться в пространстве, их неуязвимость, ум, возможности изменять телесную форму… Ты хотел бы жить в мире, которым властвуют упыри? Я — нет.

— Чего? — Конан встряхнулся, будто мокрая собака. — Что ты мелешь, Тот?

— Любой, у кого есть сила и возможность ее применить, жаждет власти над более слабыми, — сказал стигиец. — Несколько каттаканов не смогут завладеть Хайборией. А если завтра их будут тысячи? Десятки тысяч? Тогда никакая магия нас не спасет… Я просто дал тебе повод поразмыслить, Конан. Если однажды решишь поговорить об упырях — отыщи меня в Птейоне.

«Боги милостивые! — вздохнул про себя киммериец. — Ну почему они меряют всех по своей мерке! Знал бы Тот-ан-Хотеп правду о Рэльгонне и его семействе, никогда бы не говорил таких глупостей! Да я в жизни не встречал существ безобиднее, честнее и добрее рудненских упырей! Пожелай каттаканы подчинить себе Хайборию, они бы это сделали тысячи лет назад! Достаточно было бы просто наплодить сотню-другую отпрысков, обучить их и отправить в великий завоевательный поход! Точнее, не в поход, а в прыжок через Ничто… Похоже, Черный Круг всерьез заинтересовался каттаканами, придется предупредить Рэльгонна и просить его быть поосмотрительнее! От этой черноплащной братии можно ждать чего угодно!»

Тот-ан-Хотеп оставил Конана возле мельницы и уехал в лес, готовиться к переправке найденной Сферы Жизни в Стигию. Ночь только начиналась, на за деревьями уже можно было различить синеватое свечение — по всей видимости, маг по имени Иотеф начал строить портал на Птейон.

Рэльгонн уже ждал варвара наверху, колдуя над своим ящиком.

— А, ты все-таки пришел? — не оборачиваясь, бросил упырь, когда Конан поднялся на чердак. — Интересные события происходят, скажу я тебе… Посмотри! Зеркало показывает, что совсем рядом выбрасывается огромное количество тепла, будто в чаще зарождается маленький вулкан!

Ума не приложу, почему для открытия скромного портала, связывающего две точки пространства, требуется столько магической силы!

— Тебе хорошо, ты сам себе портал, — фыркнул Конан, нагнулся к острому уху каттакана и прошептал: — Не говори лишнего, за нами наблюдают… Не знаю как именно, скорее всего магия.

— Плевать, — отмахнулся Рэльгонн. — Взял то, что надо было взять с собой?

Киммериец похлопал ладонью по кожаной сумке, в которой скрывались джерманлы, ожидающие своего звездного часа.

— Отлично! Теперь давай поглядим, как обстоят дела у стигийцев.

Светящиеся розовым человеческие силуэты в зеркале упыря увеличились. Двое колдунов хлопотали вокруг большого шара, который уже был поднят из ямы на поверхность, третий занимался порталом. Поляну по окружности охраняли семеро боевых магов, еще двое бессменно торчали около мельницы, хотя особой надобности в этом не было — Конан и Рэльгонн не собирались покидать здание.

Прошло не менее трех колоколов, небо на восходе начало светлеть. До восхода солнца оставалось пять или шесть квадрансов, и Рэльгонн беспокоился, что не сможет увидеть все самое интересное. Однако, вскоре зеркало волшебного ящика полыхнуло ослепительной красной вспышкой, а маги засуетились — надо думать, что портал начал действовать.

Сферу быстро переправили в открывшиеся ворота Иотеф и второй колдун высшего посвящения, за ними последовали все семеро магов-охранников.

Тот-ан-Хотеп взобрался на верблюда и направился к мельнице.

— Пошли вниз, — скомандовал Конан. — Очень прошу, будь внимателен — стигийцы… Впрочем, потом все объясню.

— Настало время прощаться, — просто сказал Тот-ан-Хотеп. — Но перед этим я должен выполнить клятву, не так ли? Конан кивнул. Так, мол. Все правильно.

Стигиец и двое оставшихся с ним телохранителей во все глаза смотрели на Рэльгонна, снявшего капюшон и теперь улыбавшегося стигийцам так, словно родных братьев увидел. То, что его улыбка сияла кошмарным оскалом не менее чем полусотни острейших конических зубов, упыря ничуть не смущало.

— Вас проводить? — с лакейской участливостью спросил упырь у Тот-ан-Хотепа, но колдун потерял выдержку и едва не шарахнулся в сторону от страшенного вампира.

«Почему он так боится? — задал себе вопрос Конан. — У них в Стигии встречаются монстры стократ безобразнее и опаснее? Неужели только потому, что Рэльгонн — чужак?»

— Благодарю, — сухо ответил Тот-ан-Хотеп. — Я лучше сам… Или пускай Конан посмотрит, когда я буду снимать заклятье…

— Я тебе верю, — махнул рукой киммериец. — Надеюсь, все Охотники будут в порядке?

— Последствия столь долгого сна будут давать знать о себе еще около суток, но в остальном — никакого ущерба здоровью, — ответил стигиец и зашел внутрь старого каменного здания.

Видя, что внимание магов-охранников целиком отдано Рэльгонну, Конан повернулся к ним боком и аккуратно раскрыл застежку висевшей на поясе сумочки.

Две маленьких серых тени бесшумно соскользнули по правой штанине киммерийца на землю, метнулись к верблюду, вскарабкались по его ноге на спину и нырнули в густую черную шерсть между роскошным, отделанным золотом седлом и верблюжьим горбом. Никто ничего не заметил.

— Вот и все… — растирающий ладони Тот-ан-Хотеп, появился в темном проеме и взглянул на Конана. — Можете пойти проверить… Ваши соратники начали пробуждаться, ходить они смогут к рассвету. Денек поболит голова, потом все пройдет.

Выученный верблюд опустился на колени и маг без труда устроился в седле.

— Прощайте, месьоры, — чуть поклонился колдун. — А ты, Конан, помни, что мое предложение остается в силе…

Из чистого любопытства варвар и Рэльгонн пошли вслед за удаляющимися всадниками — посмотреть на портал. Из-за деревьев было видно, как лошади боевых магов вошли в пылающий нестерпимым бело-голубым огнем овал в три человеческих роста высотой, затем верблюд Тот-ан-Хотепа пересек границу, отделяющую Полуночные земли от далекой Стигии, и пламенная окружность с шипением погасла, оставив после себя черное пятно выжженной травы. Рядом зияла огромная яма, а Конан заметил, что маги позабыли здесь свои лопаты.

— Вот и кончилось волшебство Железного леса, — сказал упырь. — Пойдем-ка на мельницу. Хотя нет, я лучше слетаю в Лотар и доставлю сюда Гвайнарда с Эйнаром и Асгерд.

— Кстати, насчет Эйнара, — напомнил киммериец. — С ним-то что будем делать? Точнее с его хвостом? Это ведь из-за воздействия Сферы, верно?

— А, по-моему, из-за его собственного разгильдяйства, — весело хмыкнул каттакан. — Если его пушистое приобретеньице само не отвалится в ближайшие дни, придется отрезать — у меня в Рудне найдутся нужные инструменты!

С тем Рэльгонн исчез — отправился в крепость, за остальными охотниками.

Конан еще раз взглянул на круг дымящейся земли, пожал плечами, развернулся и зашагал к заброшенной мельнице, бормоча под нос:

— Воображаю, что начнется в Птейоне через пару дней! В ближайшие несколько лет придется держаться подальше от Стигии, что бы там мне ни предлагал Тот-ан-Хотеп…

Финал

Тот-Амон, глава конклава магов Черного Круга, постучал пальцами с ухоженными гладкими ногтями по мраморной столешнице, протянул руку, чтобы взять бокал с вином, но, передумав, отодвинул сосуд.

— Поздравляю тебя, друг мой Тот-ан-Хотеп! — не без торжественности сказал великий колдун, с удовольствием рассматривая стоявший на серебряной подставке шар, мерцавший ровным белым светом. — Эта экспедиция войдет в историю! Как мы раньше не догадались, что Железный лес скрывает в своих глубинах сокровище, равного которому нет и не было!

— Благодарю за добрые слова, владыка, — старый знакомец Конана согнулся в предписанном этикетом почтительнейшем поклоне. — Я рад, что смог достойно послужить конклаву.

— Не только конклаву! — с жаром воскликнул Тот-Амон и воздел руки к куполообразному потолку своей любимой комнаты в роскошном птейонском дворце. Зашуршали складки расшитой великолепными узорами хламиды. — Не только, и не столько! Твои заслуги перед нашей великой идеей, нашей миссией неоспоримы! Надеюсь, никаких осложнений не возникло?

— Сущая чепуха, — снова поклонился Тот-ан-Хотеп. — Ничего, что заслуживало бы твоего внимания, о великий!

— И все же?

— У нас возникло… гм… недопонимание с гильдией Ночной Стражи, господин. Но я сумел договориться с командиром одного из отрядов, и сей прискорбный инцидент был незамедлительно исчерпан.

— Надеюсь, Ночная Стража ничего не узнала? — подозрительно спросил колдун. — Это было бы непростительной оплошностью! Сам знаешь, что Хранители Гильдии пристально наблюдают за всеми великими артефактами и стараются не допускать, чтобы они попадали в руки магических сообществ…

— Можешь не беспокоится, господин.

— Отлично! Просто отлично! Можешь идти, Тот-ан-Хотеп. Вознаграждение получишь у казначея, я уже распорядился.

— Как будет угодно повелителю…

Чернокожие рабы выпустили мага из обиталища Тот-Амона и прикрыли створки дверей — господину хотелось остаться одному.

— Теперь надо подумать, как использовать доставшееся нам сокровище, — глава Черного Круга нежно коснулся поверхности Сферы. — Вероятно…

Какие мысли посетили Тот-Амона, мы так и не узнаем, поскольку колдун внезапно вскрикнул и с неподобающей его сану поспешностью отпрыгнул от стола.

— Что такое? — выдавил Тот-Амон, наблюдая, как выкованные в виде змей бронзовые ножки стола, на котором громоздилась Сфера, начали извиваться и шипеть, превращаясь в самых натуральных кобр с золотистой окраской чешуи. — Что, Нергал, вас всех раздери, тут происходит? Стража! Ко мне!

В кабинет ворвались вооруженные до зубов телохранители колдуна, однако и они застыли в растерянности, наблюдая за тем, как стол, являя весьма необычную для этого предмета мебели самостоятельность, зашагал к выходу на своих ногах-змеях.

Тот-Амону почудилось, будто один из охранников захихикал. Тоненько и с невероятным злорадством, как нашкодивший невоспитанный ребенок.

* * *

К началу зимы из Птейона в Бельверус пришла депеша, из которой Совет Хранителей Ночной стражи узнал, что в Птейоне происходят некие загадочные события, скорее всего связанные с появлением полумифических существ, называемых джерманлами. Изловить их самостоятельно Черный круг не в состоянии, а посему в депеше излагалась просьба о помощи со стороны Ночной Стражи. Письмо подписал лично Тот-Амон.

…Как и было условлено, все сорок шесть охотников из отряда Рульфа Немедийца пробудились от колдовского сна и вскоре разъехались по домам.

Беличий хвост Эйнара отвалился сам собой через три дня.

После лета 1285 года по основанию Аквилонии в окрестностях Железного леса о чудовищах больше не слыхивали. Четыре года спустя вольное баронство Лотар вошло в состав Пограничного королевства. Удивительно прочная древесина, поставляемая бароном Лотаром в Немедию и Бритунию, доселе ценится значительно дороже экзотического красного дерева.

Конан вновь встретился с Тот-ан-Хотепом через двенадцать лет, уже будучи королем Аквилонии. Но это совсем другая история.